Авантюрный детектив
Татьяна
Полякова
Все
в шоколаде
Жена стриптизерша ночного клуба, затем прямо во время выступления — вторая. Ольга Рязанцева — специалист по решению конфиденциальных проблем — вынуждена заняться этим делом, ведь оно напрямую касается ее босса и покровителя.

Татьяна Викторовна Полякова

Все в шоколаде

Серия «Ольга Рязанцева», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119796
Все в шоколаде: Повесть. : Эксмо; М.; 2003
ISBN 5-699-01910-3

Аннотация

Убита стриптизерша ночного клуба, затем прямо во время выступления – вторая. Но убийцу интересуют не одни только девушки: следующая его жертва – юный сын известного в городе бизнесмена. И этим преступник не ограничивается – жертв становится все больше. Ольга Рязанцева – специалист по решению конфиденциальных проблем – вынуждена заняться этим делом, ведь оно напрямую касается ее босса и покровителя. Копаться в чужом белье не только неприятно, но и опасно. Особенно становится жарко, когда к делу подключается приезжий киллер. Кто он – друг или враг? В конце концов Ольга оказывается перед выбором: погибнуть или примкнуть к стае хищников. Она делает выбор. И тогда все встает на свои места.

Татьяна Полякова
Все в шоколаде

Телефонный звонок разбудил меня в три часа ночи. Я с трудом подняла голову, включила настольную лампу, взглянула на часы и чертыхнулась. Затем перевернулась на спину и с тяжким вздохом закрыла глаза, надеясь, что кому-то надоест названивать и он отправится к чертям собачьим. Тщетно. Звонивший твердо вознамерился поднять меня среди ночи. Я села в постели, потрясла головой, силясь прийти в себя, и с большой неохотой сняла трубку.

– Привет, – услышала и едва не застонала от отчаяния, потому что, конечно, узнала голос, а заодно поняла: произошло нечто неприятное, и это еще мягко сказано. Звонил Волков, а у него приятных новостей для меня не бывает.

– Привет, – ответила я и опять тряхнула головой, пытаясь привести мысли в порядок. Этому сильно препятствовала головная боль, обычная вещь, если накануне выпить лишнего. Домой я отправилась после двенадцати, выходит, спала часа два, не больше, и теперь вряд ли смогу досмотреть свой сон. Впрочем, он того и не заслуживал.

– Тебе стоит приехать, – без энтузиазма продолжил Волков.

– Что у тебя?

– Пока ничего, но геморрой я уже предчувствую.

– А поконкретней?

– Пожалуйста. Убийство. Девка двадцати двух лет. Шлюха из дорогих. Адрес: Вторая Советская, дом 36, квартира 215.

– Но ведь не из-за этого ты поднял меня в три ночи? – возмутилась я.

– Конечно, нет. Твой покой – для меня святое. И если я говорю о геморрое, значит, он не замедлит появиться.

– Вот черт, – пробормотала я. – Сейчас приеду. – Повесила трубку и, слегка постанывая, прошла в ванную.

Для начала я сунула голову под холодную воду, потом включила душ и, жалобно повизгивая, немного постояла под ледяными струями. Растерлась полотенцем, прошла в кухню, достала из холодильника сок и залпом выпила пол-литра, не ощущая вкуса. Не скажу, что пришла в норму, но жить стало легче. Рука потянулась к пачке сигарет, однако я вовремя одумалась и отшвырнула пачку подальше, не то все мои труды пойдут насмарку. Окинула кухню критическим взглядом и поморщилась: придется нанимать домработницу, пока квартира окончательно не заросла грязью.

С этой мыслью я вернулась в гостиную, где спала, так и не добравшись до спальни, взглянула на свой костюм и лишь покачала головой, потому что не удосужилась повесить его в шкаф – он валялся на полу в весьма плачевном виде.

– Пить надо меньше, – наставительно изрекла я, надеясь, что прислушаюсь к мудрому совету, перевела взгляд на часы и заторопилась: натянула джинсы, свитер, нашла в шкафу кроссовки, которые не мешало бы вымыть, прежде чем убирать в шкаф, и, прихватив куртку, спустилась в гараж. Здесь меня ждал сюрприз: вмятина на правом крыле. В общем-то, «Мицубиси» и до того момента выглядел паршиво, так как хозяйка ему досталась хуже некуда. Но вчера этой вмятины я не заметила и сейчас, хмуро ее разглядывая, пыталась понять, откуда она взялась, то есть где и как я умудрилась ее заработать.

– Чудеса, – буркнула я.

Ночью, когда я покинула бар, вмятины вроде бы не было. Или была? Отправляясь домой, я подошла к машине со стороны водителя и это крыло не видела. Выходит, какой-то сукин сын помял мне машину, пока я прохлаждалась в кабаке. Ну и поделом мне, надо оставлять машину на стоянке, а не бросать в темном переулке.

Я выехала из гаража, закрыла ворота и по привычке огляделась. Дом насчитывал восемь квартир, лишь в одном окне горел свет. В первой квартире жил отставной генерал, и по ночам ему не спалось. Он возник в окне, напряженно вглядываясь в темноту. Открыв стекло, я помахала ему рукой. Всегда приятно сознавать, что кто-то и среди ночи на боевом посту. Он мне ответил, но от окна не отошел, провожая взглядом мою машину. Наверняка запомнил, в котором часу я отъехала от дома, а вот спроси, зачем ему все это, вряд ли сможет ответить.

Однако через минуту я и думать забыла о соседе. Вторая Советская находилась на другом конце города. Ночью, когда движение практически отсутствует, а стражи порядка дремлют, я преодолела это расстояние за двадцать минут. Правда, свернула не на том светофоре и выехала на Первую Советскую, чертыхнулась и, немного поплутав среди совершенно одинаковых домов, наконец смогла найти нужный адрес.

Дом был двенадцатиэтажный, длинный, серый и явно требовал ремонта, хоть и был построен недавно. Возле четвертого подъезда стояли две милицейские машины и ядовито-желтые «Жигули» последней модели. Виктор Павлович Волков слыл человеком положительным и даже консервативным, но мог иногда удивить неожиданной тягой к яркой цветовой гамме.

Я притормозила рядом с «Жигулями» и увидела самого Волкова. Он стоял возле подъезда в тени козырька и курил. Заметив меня, пошел навстречу. Я выбралась из машины и кивнула. Свет фонаря освещал пространство перед подъездом. Волков взглянул на меня, скривился и не придумал ничего лучшего, как заявить:

– Паршиво выглядишь.

– Спасибо.

– Нет, серьезно. Может, стоит завязать с выпивкой?

– Кому бы говорить, – фыркнула я.

– Когда пьет мужчина, это нормально, а вот когда женщина…

– Отвали, а? Когда я работаю, то о выпивке забываю.

– Надо посоветовать Деду завалить тебя работой.

– Не думай, что моя жизнь вечный праздник.

– В ближайшее время праздник точно не ожидается.

– Ну, так что тут за геморрой? – проявила я интерес.

– Сама увидишь…

– Может, ты наконец скажешь, на кой черт вытащил меня из постели?

– Все самое интересное на потом, – хмыкнул Волков. – Для начала взгляни, что там.

– А надо? – усомнилась я.

– Надо, – серьезно кивнул он.

Мы вошли в подъезд и поднялись на второй этаж. На лестничную клетку выходили двери четырех квартир. Одна была приоткрыта, рядом стояли двое мужчин и три женщины среднего возраста с испуганными лицами, должно быть, соседи. При виде нас они посторонились, мы вошли в прихожую, и Волков сказал:

– В комнате…

Я сделала еще несколько шагов. Квартира однокомнатная, правда комната большая, метров двадцать пять. Использовали ее одновременно как гостиную и как спальню. Тяжелые шторы на окнах задернуты, у противоположной стены низкая тахта, застеленная ковром с парчовыми подушками, антикварная мебель, за китайской ширмой кровать с деревянными спинками: приобретенная в недорогом магазине, она выглядела здесь как нечто инородное. Возле кровати стояли двое мужчин в штатском и что-то лениво обсуждали. Еще двое, на первый взгляд бесцельно, двигались по комнате, молодой человек в очках, насвистывая, снимал

отпечатки пальцев с двух бокалов чешского стекла, стоявших на низком столике. На полу у его ног валялась бутылка коньяка. Парень оглянулся, увидел меня и кивнул:

– Привет.

– Здравствуйте, – громко сказала я. Теперь все присутствующие обратили на меня внимание и недружно ответили:

– Здравствуй.

– Представлять друг другу вас не надо, – сказал Волков. – Дело у нас, скажем прямо… В общем, Ольга Сергеевна будет помогать нам по мере сил.

На лицах мужчин появились ухмылки, от которых они тут же поспешили избавиться и кивнули как ни в чем не бывало, только очкарик продолжал свою работу, радостно улыбаясь мне. Я покопалась в своей памяти и вспомнила, что парня зовут Вячеслав, отчество не помню, да оно и ни к чему. Нас познакомил Волков этой зимой на торжественном вечере, посвященном какой-то очередной годовщине. Я поздравляла собравшихся от имени фонда «Честь и достоинство», который основал Дед (он был просто помешан на всяческих фондах, они росли как грибы после дождя, и во всех этих фондах я кем-нибудь числилась, неизменно выступая на различных торжествах в роли свадебного генерала). Двоих из присутствующих мужчин (не считая Волкова) я знала неплохо, еще одного если и видела раньше, то сейчас припомнить не могла. На меня же они взирали так, точно знали всю мою подноготную, как оно скорее всего и было.

– Не желаете взглянуть? – кивнул один из них на кровать. Я подошла ближе. Мужчины посторонились, а я на мгновение зажмурилась. Конечно, труп – это труп и ничего приятного увидеть я не ожидала, но этот прямо-таки вызвал у меня шок. Я потерла переносицу и заставила себя открыть глаза. Мужчины молча ждали. Я кашлянула, словно извиняясь, и перевела взгляд на убитую. Сейчас трудно было определить, сколько ей лет. Выглядела она ужасно: глаза вылезли из орбит, из открытого рта торчали скомканные доллары, вокруг шеи девушки был обмотан чулок, голова ее была приподнята и странно вывернута, конец чулка закреплен на спинке кровати. Скорее всего ей сломали шею. Но этого убийце показалось мало, и он зачем-то разрезал ей живот, и не просто разрезал, а аккуратно разложил содержимое на кровати с двух сторон от трупа. Постель была густо перепачкана кровью, а на стене, прямо над головой убитой, привет от свихнувшегося ублюдка: крупные буквы тоже кровью – «Сука».

– Что скажешь? – спросил Волков, подойдя к кровати.

– Впечатляет. – Я поспешно отвернулась.

– Вот-вот. Соображения есть?

– Он псих.

– Само собой. Еще какие-нибудь ценные замечания?

– Замечаний нет, есть вопрос.

– С вопросом обожди. Значит, ничего стоящего тебе в голову не приходит?

Я оглядела комнату, пытаясь понять, чего от меня добивается Волков. В комнате царил образцовый порядок, если не считать окровавленной постели, надписи да еще бутылки коньяка на полу.

– Она не сопротивлялась? – вопросительно заметила я.

– Никаких следов борьбы. Одежда на убитой отсутствует, за исключением гипюровых трусиков.

– На честь девушки не посягали?

– На это ответит специалист, но я уверен: он ее не изнасиловал.

– Почему он, а не она? – спросил Славик, подходя ближе.

– Что-то я не слышала о маньяках-женщинах, – заметила я с усмешкой, – а это работа маньяка.

– Не скажи, – покачал головой Волков. – Надпись видишь?

– Ревность?

– Почему бы и нет?

– Тогда пошарь среди ее дружков. Кому-то не нравилось, как девушка проводит время, и он внес в это свои коррективы. Как ее зовут?

– Кудрина Алла Дмитриевна. Танцовщица в ночном клубе «Пирамида». Чем они там на самом деле занимаются, тебе лучше знать.

Я нахмурилась, начиная понимать, почему Волков поднял меня среди ночи. «Пирамида», как и многое в этом городе, принадлежала Деду, неофициально, конечно. Однако, хоть Дед и открещивался от доходного бизнеса и делал вид, что не имеет отношения ни к ночным клубам, ни к многочисленным саунам и массажным кабинетам (он дважды даже выступал с разгромными статьями в газетах о древнейшей профессии и сутенерах в погонах, статьи, кстати, писала я, и цифрам, приведенным в них, можно было верить), так вот, несмотря на все старания Деда откреститься от того, что он, то есть я, в статьях назвал «чумой нашего города», те, кому хотелось знать, знали, что он-то как раз и контролирует данную чуму. Зверское убийство, совершенное явным психом, газетчики вниманием, конечно, не обойдут… Одному богу известно, что они смогут накопать в припадке журналистского рвения. И все это за несколько дней до выборов.

Я непроизвольно поморщилась, а Волков кивнул:

– Вот тебе и геморрой…

Я согласно кивнула: что да, то да. Теперь скверное настроение Виктора Павловича стало мне понятно: с одной стороны, на него будут давить, требуя, чтобы психопат-убийца как можно скорее оказался за решеткой (обыватели впадают в транс при слове «маньяк»), с другой – работать придется с оглядкой, чтоб ненароком не накопать лишнего.

– Сочувствую, – сказала я. Он усмехнулся. – Если не возражаешь, я вас покину, – помедлив, заявила я, присутствующие кивнули, а Волков пошел проводить меня. – Можешь рассчитывать на наше содействие, – заверила я, поспешив утешить его.

– Ага, – хмыкнул он, посмотрел на меня внимательно, точно что-то прикидывая, и вздохнул: – Это не все.

– Что, есть еще труп?

– Хуже. Для меня, по крайней мере.

– Что же может быть еще хуже? – в притворном удивлении подняла я брови.

– Вот это. – Он протянул мне визитную карточку. Золотыми буквами на сером фоне значилось: Кондратьев Игорь Николаевич. Следующие три строчки были мне ни к чему, я сама заказывала в типографии визитки для Деда.

Я взглянула на оборотную сторону. По правилам хорошего тона она должна быть девственно-чистой, если, конечно, владелец не пожелал оставить кому-то несколько слов. Владелец не пожелал, но до девственной чистоты оказалось далеко: карточка была заляпана кровью.

– Она была у девицы? – хмуро спросила я. Происходящее нравилось мне все меньше и меньше – какой, к черту, геморрой, дело много хуже.

– Карточка валялась под креслом.

– А кровь?

– Кресло стоит в трех шагах от постели, если ты соизволила обратить на это внимание. А там все залито кровищей.

Мы вышли из подъезда и замерли под козырьком.

– Кто видел карточку? – задала я вопрос, который меня, по понятным причинам, очень беспокоил.

– Я.

– Хорошо.

– Серьезно? – фыркнул Волков. – Может, объяснишь, что ты нашла хорошего во всем этом?

– Не заводись, – миролюбиво попросила я. – Мне это нравится так же, как и тебе.

Мы подошли к моей машине, он взглянул на нее и покачал головой:

– Когда ездить научишься?

– Просто мне не везет.

– Завязывай пить, Ольга. Добром это не кончится.

– Заткнулся бы ты, – от души пожелала я, садясь в машину и намереваясь проститься с Волковым, но он открыл дверь и устроился рядом со мной.

Я ждала, что он скажет, ненавязчиво разглядывая его. Волков выглядел так, как и полагалось выглядеть человеку его звания. Лет сорока пяти, выше среднего роста, с наметившимся брюшком и тем особым выражением лица, которое сразу намекало на его профессию. Он начал седеть, виски отливали серебром, стригся он коротко, жесткие волосы торчали на затылке, образуя венчик, темные брови, нос короткий и прямой, глаза небольшие и в общем-то невыразительные. Однако Волков умел смотреть так, что под его взглядом становилось как-то неуютно. Не нравился мне только его рот, узкие губы были слишком малы для этого лица, и улыбаться Волков не умел, вместо улыбки на лице появлялась кривая ухмылка, которая шарма ему не добавляла. Становилось ясно: человек этот далеко не прост и характером обладает скорее всего скверным.

Впрочем, ничего такого я за Волковым не знала, уживались мы вполне сносно, даже испытывали друг к другу симпатию. Он производил впечатление честного человека и умело этим пользовался. С Дедом их что-то связывало, но и тот и другой об этом помалкивали, причем оба извлекали из давнего знакомства максимум пользы. У Волкова имелся дом за городом, записанный на жену, и «БМВ», который он не смог бы купить на свою зарплату. Сын его, едва закончив школу, организовал собственное дело, где заправлял, конечно, Волков, хотя и не имел права, исходя из буквы закона. Однако официально директором фирмы был сын, который к тому же носил фамилию матери, так что перед законом Волков был чист. Само собой, его готовность помочь только на пользу Деду. В общем, налицо обоюдовыгодный союз, поэтому меня ничуть не удивило беспокойство в голосе Волкова, когда он опять заговорил.

– Что скажешь?

Я пожала плечами:

– Что тут скажешь? Дед раздает свои визитки по два десятка за день. И то, что она оказалась у этой девицы…

– Вот именно, – хмыкнул он. – Не знаю как тебе…

– Надеюсь, ты не думаешь, что это Дед развлекался, распарывая ей живот.

– Совершенно неважно, что думаю я. Но если о визитке каким-то образом узнают…

– Позаботься о том, чтобы не узнали.

– Спасибо за подсказку, сам бы я ни за что не допетрил. – Он отвернулся, помолчал немного и заговорил вновь: – А если это как-то связано с выборами?

Я не торопилась отвечать, хотя, признаться, не очень-то верила, что кто-то совершил жуткое убийство с единственной целью насолить Деду.

– Давай не будем забегать вперед. Твое дело – следить за тем, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

– А если Дед знаком с девкой?

– Ну и что? С ее профессией она могла знать многих. Возможно, визитку ей действительно дал он.

– И она оказалась под креслом, да еще вся в кровище, вместо того чтобы лежать в ее сумке, в ящике стола, коробке или в вазе, наконец, то есть в том месте, где обычно у людей

лежат визитки. С ее стороны было довольно оригинальным запихнуть визитку под кресло. Всем известно, что Дед таскает визитки в кармане… Например, он бросил пиджак на спинку кресла…

– А потом зарезал девушку? – усмехнулась я. – Дед, конечно, не ангел, но как-то трудно представить его в роли мясника…

Волков поморщился:

– Я вовсе не это хотел сказать… Что, если он был у нее? Кто-то воспользовался его приходом и убил девчонку, а визитку оставил нарочно.

– Если она выпала из кармана Деда, то как это мог предвидеть убийца?

– Не говори глупости. Он мог его выследить и…

– Тогда визитка вовсе не выпала из кармана пиджака, ее подбросили нарочно, а если ее подбросили нарочно, то вовсе не факт, что Дед знаком с убитой.

Волков дернул тонкими губами и со злостью посмотрел на меня.

– Я разговаривал с соседями, они несколько раз видели мужчину среднего роста, лет пятидесяти, блондина, с загорелым лицом, всегда в темных очках, голову он держал опущенной вниз, точно опасался, что его узнают.

– Портреты Деда расклеены по всему городу. Да и вообще, человек он известный. Я-то была уверена, что его каждая собака знает…

– Боюсь, так оно и есть. Граждане его узнали, но помалкивают об этом из опасений оказаться в скверном положении.

– Не преувеличивай.

– Я тебя знакомлю с точкой зрения обывателей. Допустим, они его не узнали, то есть это они нам так заявили, но завтра по городу поползут слухи… А я должен найти убийцу.

– Хочешь задать Деду несколько вопросов?

– Нет уж, спасибо. Сама задавай.

– Подумаю над этим, – кивнула я.

– Эта чертова политика… – пробубнил Волков, кивнул мне и вышел из машины.

Я тронулась с места, продолжая размышлять над его словами. Если честно, я здорово нервничала. Конечно, я не могла вообразить Деда в роли маньяка. Человек он решительный, и с моралью у него большие проблемы, но кромсать кого-то ножом… чепуха…

– Чепуха, – вслух повторила я и усмехнулась, а потом и хихикнула, злясь на себя за это.

«Почему бы и нет? – продолжал веселиться кто-то внутри меня. – Он сукин сын, вообразивший себя всемогущим. А вдруг он свихнулся?»

– Это ты свихнулась, – возвысила я голос. – С какой стати ему убивать эту женщину да еще запихивать ей в рот доллары и писать на стене кровью «Сука».

«А почему бы и нет? – вновь подумала я. – Нет, в самом деле. Допустим, он увлекся девчонкой, а она ему изменяла, предположим, он застал ее с любовником…» Никаких следов борьбы, если не считать опрокинутой бутылки коньяка. Такое впечатление, что девица сама разделась и легла в постель, ожидая, что ее осчастливят. Вместо этого ей кто-то накинул чулок на шею, а потом вспорол живот.

Предположим, он не заставал ее с любовником, а просто узнал о его существовании. Девчонка не подозревала об опасности, и он этим воспользовался. Тебе ли не знать, как он мстителен. Правда, обычно он мстит чужими руками… А если соблазн был чересчур велик? Хватит гадать, сейчас речь не об этом. Визитка, вот твоя головная боль, и показания соседей. Слухи – это несущественно, главное, чтобы не нашелся придурок, который опознает в госте убитой Деда. Если бы не выборы… Вдруг Волков прав и кто-то решил подложить Деду свинью, использовав его связь с девчонкой?

– Вот это плохо, очень плохо, – произнесла я и закончила: – Потому что на этом он или они не успокоятся.

Я свернула к дому. Теперь даже генеральское окно не светилось. Я въехала в гараж и еще какое-то время сидела в машине, бессмысленно пялясь в лобовое стекло. Потом с неохотой покинула гараж, поднялась на три ступеньки и вошла в коридор. Квартира у меня в трех уровнях: гараж и просторный холл внизу, на втором этаже кухня, гостиная и столовая, на третьем две спальни. Я даже не могла припомнить, когда поднималась на третий этаж в последний раз. Гостиную я использовала как спальню, кухню как гостиную, столовая вовсе была мне без надобности, как, впрочем, и вся эта квартира. Но Дед рассудил иначе, а я с ним не спорила, точно зная, как это бесперспективно. Квартира досталась ему за гроши, и он не придумал ничего лучше, как подарить ее мне. Само собой, я изобразила восторг по этому поводу, потому что подарок свидетельствовал о том, что Дед любит меня по-прежнему и все у нас с ним ладненько да складненько.

Я прошла на кухню, включая везде по дороге свет, потому что не терпела темноты. В темноте меня посещали призраки. Обычное дело для людей с нечистой совестью, как утверждает Марк, а Марк в таких вещах смыслит. Во всяком случае, я ему доверяла в этом вопросе, потому что сам он всегда спит со светом.

Я включила чайник и немного постояла у окна, опершись на подоконник. Небо серело, но кухонное окно выходило в сквер, и там, в тени деревьев, было еще темно. Я заварила кофе, подумала и достала из холодильника бутылку мартини. Мартини я пью, как пьют водку. Налила полстакана, выпила и закусила куском хлеба. Посидела немного с закрытыми глазами, прикидывая, стоит ли ложиться. Покидать кухню было лень, я расслабленно устроилась в кресле и вроде бы задремала, потом резко подняла голову, взглянула на часы. Пожалуй, придется отправиться в постель. И тут зазвонил телефон. Я стояла и смотрела на аппарат, прикидывая, чего мне следует ждать от жизни. В эту ночь я нарасхват. Не торопясь, я сняла трубку.

– Да.

– Привет, – услышала я хриплый голос, не мужской и не женский. – Как себя чувствуешь? Должно быть, на душе паршиво?

– С какой стати?

– Ведь ты знаешь: это он вспорол брюхо девчонке.

– Какое брюхо? – хмыкнула я, взглянув на определитель номера. Звонок был из автомата. Я схватила сотовый и торопливо набрала нужный номер, боясь, что хриплый прекратит разговор и я ничего не успею.

– Дуру из себя не строй, – весело заявили на том конце провода. – Ты ведь уже видела ее? И знаешь: девку пришил твой любовник.

– Но… – начала я, однако в аппарате раздались короткие гудки. Звонивший бросил трубку. Зато ответил Сережа.

– Чего у тебя? – спросил он хмуро и зевнул.

– Телефонный звонок. Из автомата.

– Чего хотели?

– Весьма информированный гражданин, знает даже то, что ему знать не положено.

– Понял, – ответил Сергей совершенно другим голосом. – Подключу твой номер. Еще что-нибудь?

– Пока ничего в голову не приходит, – вздохнула я и простилась с ним. Швырнула сотовый в кресло и задумалась. Номер моего домашнего телефона есть в справочнике, так что узнать его не проблема, а вот откуда звонивший узнал об убийстве? Оперативно, ничего не скажешь… – Так, – громко сказала я, по привычке начиная размышлять вслух. – Очень может быть, что Волков прав и кто-то решил подложить Деду перед выборами свинью. А если… что, если? Валяй, договаривай, вот сейчас ты подумала, что Дед в самом деле убил ее? Стоп, он не назвал его имени или прозвища, он сказал: «твой любовник». Значит, звонивший

осведомлен о наших отношениях… Необязательно. Дед никогда не скрывал, что неравнодушен к женщинам, так что логика вполне прослеживается: я на него работаю, значит, я с ним сплю. А если он имел в виду кого-то другого? Кого еще можно назвать моим любовником? Вот черт, ни одной кандидатуры. Впрочем, неизвестно, что обо мне болтают за спиной.

Допустим, он имел в виду Деда… Откуда звонивший узнал об убийстве? Точнее, от кого? Я сняла трубку и набрала номер сотового Волкова.

– Слушаю, – без энтузиазма откликнулся он. Я сообщила о звонке, сподвигнув его на длительное размышление. – Мы все еще на квартире, – сказал он наконец, – при мне никто никуда не отлучался… Хотя могли позвонить еще до моего приезда. Вот что, давай встретимся ближе к обеду и все обсудим. К тому времени у меня будут результаты вскрытия.

– Хорошо, – согласилась я, – жду твоего звонка.

Я прошлась немного по гостиной, затем не раздеваясь легла в постель и постаралась вздремнуть. Звонок неизвестного (хотя, может, неизвестной?) произвел на меня впечатление, что в общем-то странно. Периодически появлялись психи, которые звонили среди ночи с угрозами, а за несколько дней до выборов этому и вовсе не приходилось удивляться. То, что на Деда выльют ушат грязи, не вопрос, мы и сами подготовили две солидные бочки для наших конкурентов. Тогда с какой стати я так нервничаю?

– А нервничаешь ты, уважаемая, по той простой причине, что труп имеет место быть и он вовсе не бред очередного психопата. И ты в самом деле боишься, что Дед имеет к этому отношение, – скороговоркой выпалила я и даже зажмурилась.

Часов до десяти я провалялась в постели, изводя себя разными мыслями. Толку от этого не было, зато беспокойства прибавилось. Я вышла на кухню выпить кофе, когда вновь зазвонил телефон. Голос Риты, секретаря Деда, я узнала сразу.

– Детка, – торопливо сказала она, поздоровавшись, – он хочет тебя видеть. Сможешь подъехать через полчаса?

– Конечно.

– Поторопись. Дед злой как черт, – перешла она на шепот. – Лучше не опаздывай.

– Постараюсь, – заверила я ее и пошла переодеваться.

Дед терпеть не мог баб в джинсах, о чем и заявлял неоднократно. В офисе дамы не рисковали появляться в брюках. Правда, в жару все дружно облачались в шорты, против них хозяин не возражал. Однако сейчас жары не наблюдалось, поэтому я выбрала темно-синий костюм и белую блузку, тщательно уложила волосы, поморщилась, потому что увиденное в зеркале не очень радовало, и направилась к машине.

Через десять минут я покинула гараж, махнула рукой отставному генералу, который как раз появился на балконе, и выехала на проспект, то и дело поглядывая на часы. Дважды не обратив внимания на красный сигнал светофора, я смогла подъехать к офису вовремя. Охрана внизу выглядела чрезвычайно деятельной, народ сновал из кабинета в кабинет, на лицах читалась решимость совершить трудовой подвиг, словом, работа шла полным ходом, а я поздравила себя с тем, что благодаря расположению хозяина избавлена от необходимости торчать здесь с утра до вечера. Впрочем, может, это Дед избавил себя от необходимости лицезреть мою физиономию каждый день. Поди разберись.

Я поднялась на второй этаж, кивая в ответ на приветствия, и вошла в приемную. Рита подняла голову от бумаг и приложила палец к губам, призывая к молчанию. Из кабинета Деда доносился мощный рык, который не могли заглушить даже двойные двери. Ритка беззастенчиво подслушивала, совершенно меня не стесняясь. Я плюхнулась в кресло и шепотом спросила:

– Кто у него?

– Черник, – тоже шепотом ответила Рита, продолжая подслушивать. Минут через десять рык стих, а еще через пять минут распахнулась дверь кабинета и показался Черник

Артур Петрович, пухлый молодой человек лет тридцати, в светлом костюме, очках в золотой оправе. Его темные волосы прилипли к потному лбу, лицо было багровым, губы подергивались, казалось, он вот-вот разрыдается.

Черник торопливо прикрыл дверь, достал из кармана платок, вытер лицо, покачал головой и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Сумасшедший дом…

– По какому случаю лютует? – проявила я любопытство.

– Вас зачем вызвали? – игнорируя мой вопрос, спросил Черник.

– Без понятия.

– Что-то не так, – кусая губы, пробормотал он. – Я думал, может, вы знаете?

– Не больше вашего.

Я поднялась с намерением идти к Деду, но Черник остановил меня:

– Там Нефедов.

Нефедов был ближайшим другом Деда. Их разговор мог затянуться надолго.

– Может, я выпью кофе в баре? – спросила я Риту.

– Лучше здесь жди, – зашептала она. – Кофе я тебе заварю.

Черник между тем схватил графин, налил воды в стакан, выпил и, должно быть, почувствовав облегчение, посмотрел на меня и опять спросил:

– Вы правда не в курсе?

– Может, буду в курсе после встречи с ним.

– Понятно. – Он привычно пожевал губами. – Точно черт в него вселился. Вчера все было отлично, а сегодня прицепился к смете, хотя утверждали ее две недели назад. А я опять виноват… уходить надо, искать другое место… нет возможности работать.

Мы с Ритой переглянулись. Она презрительно хмыкнула, тем самым выражая свое отношение к его словам. Черник работал на Деда лет пять и трижды в неделю собирался уходить, однако в серьезность его намерений никто не верил. Таких денег, как здесь, ему нигде не заработать, да и сама возможность ухода лично у меня вызывала сомнения, так как Черник ведал финансами Деда и прекрасно понимал… В общем, понять было нетрудно.

Глядя на его потную физиономию с затравленным взглядом, я вдруг подумала, что он, возможно, и в самом деле мечтает уйти, хлопнуть дверью, желая потешить свое самолюбие. Если честно, Дед относился к нему по-свински, потому что не уважал бесхарактерных людей, а Черник твердостью характера похвастаться не мог, хотя, по общему мнению, специалистом был от бога. С утра до ночи он сидел в офисе, готовый по первому же требованию предстать перед хозяином, и регулярно получал нагоняй. В тридцать лет у него не было ни семьи, ни друзей. Выпив лишнего, он часто жаловался, что понятия не имеет, куда потратить деньги, которых с каждым годом у него становилось все больше и больше. Впрочем, у меня тоже ни семьи, ни друзей, и деньги тратить я тоже не умею… Так что мы с Черником, можно сказать, родственные души.

– Что-то у нас не так, – с легким всхлипом заявил он, уставившись на меня. Я в ответ пожала плечами. Он поставил стакан, суетливо огляделся и сказал: – Ну, я пошел. – После чего покинул приемную.

– Ему и правда здорово досталось, – заметила Рита.

– С утра было много звонков? – поинтересовалась я.

– Как всегда, – пожала она плечами.

– А с какой стати он решил вызвать меня, не сказал?

– Конечно, нет. С кем-то разговаривал по сотовому, с кем, мне неведомо, на то и сотовый.

– Откуда знаешь, что разговаривал?

– Я как раз кофе подавала, тут звонок.

– Звонившего по имени не назвал?

– Нет. Я бы запомнила. Через пять минут велел позвонить тебе.

– Понятно, – кивнула я, думая о том, что это наверняка как-то связано с ночным происшествием.

Дверь кабинета распахнулась, и появился Нефедов, представительный мужик лет шестидесяти, давний друг Деда, тоже из бывших военных. Политикой он не интересовался и страсть Деда к этому виду деятельности, по слухам, не приветствовал, но активно помогал и потому числился в первых помощниках. Меня он тоже не жаловал, кивнул в ответ на мое приветствие, не раскрывая рта, и вышел из приемной, даже не взглянув на Риту. Судя по выражению его лица, жизнью он вполне доволен. Рита нажала кнопку и сказала:

– Игорь Николаевич, Оля в приемной. Заходи, – кивнула она на дверь кабинета, затем приподнялась и торопливо перекрестила меня.

Я вошла в кабинет, Дед стоял у окна, сунув руки в карманы брюк и раскачиваясь с пятки на носок. Услышав, как закрылась дверь, повернулся, подошел ко мне и обнял за плечи, заглядывая мне в глаза. Я растянула губы в улыбке, демонстрируя большую радость от свидания с ним.

– Как дела? – вместо приветствия спросил он.

– Нормально, – ответила я, хотя поначалу хотела сказать «отлично», но в последний момент решила не перебарщивать.

– Садись, – кивнул он на кресло, и я покорно села. Он остался стоять у окна, опершись руками на подоконник и продолжая разглядывать меня. Он молчал, и я молчала, делая вид, что меня очень занимает рисунок ковра под ногами, при этом я думала о том, что Дед здорово сдал. Сколько я его помнила (а это лет двадцать, не меньше), он выглядел человеком без возраста. Всегда подтянутый, бодрый, даже седая шевелюра впечатления отнюдь не портила, а в глазах женщин только прибавляла ему шарма. Открытое лицо с яркими голубыми глазами неизменно вызывало симпатию. Однако теперь Дед казался усталым: мешки под глазами, резкие складки от крыльев носа к подбородку и взгляд… взгляд был колючим, если, конечно, поблизости не находился фотограф и Дед не начинал позировать. Ему скоро шестьдесят. Через год или через два, сразу и не сообразишь. Через два. В его возрасте пора и о душе подумать… Я представила его в роли пенсионера и мысленно фыркнула. Нет, он из тех, кто умрет на боевом посту. Или лишившись оного. Потому-то эти выборы так много для него значат. Следовательно, и для меня тоже, раз мы в одной лодке (я опять фыркнула, потому что знала, что лукавлю, по большому счету мне все равно).

Между тем Дед отлепился от подоконника и устроился в кресле напротив, а я вдруг подумала: «Кто стирает ему рубашки?» Официально он вдовец, сын давно живет отдельно, служит на Тихоокеанском флоте, уже в больших чинах, Дед вспоминал об этом к месту и не к месту, хотя сын вовсе не был его, он был сыном его покойной жены от первого брака и несколько лет они ладили друг с другом как кошка с собакой, до тех пор пока Дед не заработал свои первые сто тысяч долларов. После этого в их отношениях наметился прогресс (Дед никогда не жадничал), а вслед за этим вспыхнули родственные чувства.

В настоящий момент с ним жила девица лет двадцати, о невероятной глупости которой слагали легенды. Но как-то я не верила, что она заботится о его рубашках. Я б еще немного поразмышляла на эту тему, но Деду надоело играть в молчанку, и он изрек:

– Говорят, ты много пьешь.

«Ну вот, пожалуйста».

– Кажется, мое пьянство – любимая тема разговоров, – сурово отрезала я. Он смущенно отвел глаза.

– Ты же понимаешь, что я… что меня беспокоит… я хочу сказать… – Когда он вот так начинает мямлить, я готова разрыдаться от жалости к нему.

Я закатила глаза, демонстрируя таким образом, как осточертела мне эта тема, а Дед ухватил меня за руку и больно сжал пальцы.

– Что с тобой происходит?

Вот только разговоров по душам мне и не хватало. Однако, зная его характер, я поняла, что от него так просто не отделаешься, потому я нахмурилась и с обидой в голосе заявила:

– Между прочим, пью я немного. Только вечером (небольшое отклонение от истины), только после работы (тоже не совсем верно), так что…

– Да плевать мне на работу, – не сдержался он. – Я хочу знать… – Тут он понял, что взял неверный тон, хлопнул ресницами, точно обиженный ребенок, и закончил весьма трогательно: – Поговори со мной.

– На тему моего предполагаемого пьянства? Не знаю, что тебе доносят, но до алкоголизма мне далеко.

– Ты в самом деле каждый вечер торчишь в баре?

– Ну и что в этом особенного? Должна же я как-то проводить свой досуг? Мне что, крестиком вышивать или вязать тебе шарфы?

– Раньше ты находила себе занятие.

– Раньше у меня была богатая фантазия. Теперь поистощилась.

Он смотрел на меня, пытаясь облечь свои чувства в слова, ему это редко удавалось, не удалось и сейчас, он горестно вздохнул и сказал виновато:

– Мне больно слышать, когда окружающие…

– Еще одно слово о моем пьянстве, и я пошлю тебя к черту. – Он опять хлопнул ресницами, точно малое дитя, а я, покачав головой, сказала: – Ей-богу, я пью в меру, точнее, иногда позволяю себе выпить. А в баре сижу, потому что в моей чертовой квартире слишком много места… Я подумываю завести собаку. Пока не решила, какой породы. Может, таксу, как считаешь? Таксы симпатичные.

– По-моему, они уродливые.

– Нет, ты не прав. Ужасно симпатичные, нелепые немного, но…

– Детка… – Не помню, чтобы он называл меня иначе, с его легкой руки (или языка?) меня теперь зовут так все кому не лень, иногда мне кажется, что имя, данное мне при рождении, и не мое вовсе. Правда, Дед произносит это слово по-особенному, у него это получается очень сексуально, может, он по привычке зовет так всех своих баб, чтоб не путаться? В этом что-то есть. – Детка, – повторил он, погладил мое колено и вдруг выпалил: – Я чувствую себя виноватым.

– С какой стати? – удивилась я.

– Наверное, я должен был… я уделяю тебе мало внимания. Я понятия не имею, о чем ты думаешь, что тебя тревожит… И меня всерьез пугают все эти разговоры.

– Я решила, что мы уже разобрались с моим пьянством. Начинаю думать, что кому-то просто очень хочется выставить меня алкоголичкой. Со мной полный порядок, а выгляжу паршиво, потому что ночь была не из приятных.

– Что случилось? – нахмурился он. Во взгляде читалось беспокойство не за себя, а за меня.

– Кое-что. Но это терпит.

– Как знаешь… Может, нам стоит отдохнуть вдвоем, как в добрые старые времена, а? Ты и я. И никаких дел…

Идея не показалась мне заманчивой, правда, в ее осуществление я не очень-то верила, раз до выборов всего ничего, оттого напрягаться не стала и молча кивнула. Он, конечно, о выборах тоже вспомнил и недовольно поморщился, поняв, что погорячился.

– Конечно, сейчас… ты понимаешь, но когда все кончится… – Я опять кивнула, на этот раз с облегчением. Когда все кончится, непременно опять что-нибудь начнется, так что

можно не волноваться. Он похлопал меня по колену и сказал: – Я люблю тебя… – Поднялся и пошел к столу. Выходило, что аудиенция закончена. Я поднялась, прикидывая, стоит ли заводить разговор об убитой девушке, и решила, что не стоит.

– У тебя все? – с сомнением спросила я.

– Извини, дел полно…

– Ты вызвал меня, чтоб узнать о моем самочувствии?

– Между прочим, мы не виделись неделю. Если быть точным – восемь дней. И все эти разговоры…

– Мог бы позвонить по телефону.

– Я хотел тебя видеть.

– Ну-ну. Тогда я пошла.

Я направилась к двери, поймав себя на мысли, что вздыхаю с облегчением. Я была уверена, что мой вызов связан с ночным происшествием, но, если я ошибалась, выходит, он о нем ничего не знает или считает, что оно не имеет к нам отношения. Иными словами, он не знает убитую и у нее никогда не был.

– Чем же все-таки порадовала тебя эта ночь? – спросил он, когда я уже взялась за ручку двери. Таааак…

– Волков звонил, – разворачиваясь, сообщила я. – Убили девушку из «Пирамиды», у нее на квартире. Волков нашел под креслом твою визитку. – Судя по всему, новость не произвела на него впечатления, если только она была для него новостью.

– Ограбление? – спросил он.

– Не похоже.

– Не вижу повода для беспокойства, – подумав, изрек он. – А ты?

– Я – нет. Волков слегка обеспокоен.

– Чем же?

– Показаниями соседей. Девчонку посещал дядя, чье описание вполне подошло бы к тебе.

– А как ее зовут?

– Кудрина Алла Дмитриевна. – Я сообщила адрес, ожидая реакции, он поджал губы, потом покачал головой:

– Нет, никогда не слышал это имя.

Если честно, облегчения я не почувствовала. Дед мог врать очень убедительно.

– И у нее нашли мою визитку?

– Точно. Заляпанную кровью.

– Это не очень хорошо, – заметил он. Я пожала плечами, предоставляя судить ему. – Что скажешь? – спросил он, добавляя во взгляд проницательности.

– Пока ничего. Если ты ее не знаешь…

– Я ее не знаю.

– Отлично. Тогда я пойду. – Я вновь взялась за ручку двери, в самом деле намереваясь уйти.

– Ты ведь не собиралась докладывать мне об этом, значит, не считаешь, что это может иметь какие-то последствия.

– Я никогда не тороплюсь с выводами.

– Дело ведет Волков?

– Волков.

– И визитку видел только он?

– У меня нет повода ему не верить.

– Хорошо. – Дед открыл ящик стола, достал конверт, заглянул в него и бросил на стол. – Передай ему, объясни, что мы заинтересованы в том, чтобы убийца был найден как можно скорее. Разумеется, он может рассчитывать на нашу помощь.

Я сунула конверт в сумку и направилась к двери, гадая, отчего у меня так паршиво на душе.

– Ты с ним увидишься сегодня?

– Да. Ближе к обеду.

– Держи меня в курсе.

– Конечно.

Я на всякий случай притормозила, может, он изволит еще что-нибудь сказать на прощание, но Дед уткнулся в бумаги, и я вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

В приемной сидел какой-то тип, нервно поправляющий галстук. Я приблизилась к Ритиному столу, и она шепотом спросила:

– Ну как?

– Ничего особо любопытного.

– А вызывал зачем?

– Мозги промывал. Кто-то настучал, что я много пью.

– Наверняка Лялин. Этот знает, сколько трусов и лифчиков в моем шкафу.

– Чертов извращенец.

– Точно. Когда-нибудь я наберусь смелости и кое-кому здесь выскажу… – Кажется, она говорила вполне искренне, поэтому я попросила:

– Лучше не надо.

– Конечно. Но иногда очень трудно держать себя в руках.

– Нам за это хорошо платят.

– Это точно. Забудь, что я тут наболтала.

– Уже забыла.

Я покинула приемную, сделала несколько шагов по коридору и увидела Черника. Он вывернул из-за угла и вроде бы спешил по своим делам, но у меня сложилось впечатление, что толстяк-бухгалтер поджидал меня. Он как будто намеревался пройти мимо, но вдруг встал как вкопанный, сделал шаг, точно передумав, кашлянул и вновь замер.

– Как дела? – спросил он невпопад, потому что мои дела должны интересовать его так же мало, как его дела меня.

– Отлично.

– Ага… Я вот что подумал: почему бы нам не выпить кофе? То есть вы ведь собирались в бар, разве нет?

В другое время я бы отказалась, сославшись на дела, но сейчас мне стало интересно, с какой стати его так ломает, поэтому я молча кивнула, и мы направились в бар, который был на втором этаже.

Алкоголя здесь не подавали, и небольшую комнату в китайском стиле следовало считать буфетом, но отделана она была с таким шиком, что язык не поворачивался назвать ее так. Мы устроились возле стойки, Черник заказал две чашки кофе, посмотрел на меня и вдруг загрустил, после чего принялся с интересом разглядывать лаковую миниатюру. Он явно собирался о чем-то поговорить, но сил хватило лишь на то, чтобы предложить мне кофе. Теперь он сидел и страдал, очень сожалея, что затащил меня сюда. Господи, как мне надоели эти чокнутые, гадай теперь, что у него на уме.

Я молча выпила кофе, Черник тоже не проронил ни слова, лишь вытирал лоб носовым платком и сопел.

– Какие-то неприятности? – наконец решился он.

– У кого? – подняла я брови.

– Мне ведь действительно важно знать, – с обидой заговорил он. – Почему ко мне все так относятся? Ведь я в команде и ничуть не меньше, чем кто-то другой, заинтересован… почему от меня всегда все скрывают?

– Дед вызвал меня, потому что какая-то сволочь настучала, что я пью как лошадь. Я попробовала его переубедить, но не преуспела.

– Вы это серьезно? – обрадовался он.

– Что серьезно? – переспросила я с притворным удивлением.

– Он действительно вызывал вас по этому поводу?

– Да.

Черник мне вроде бы не поверил.

– В самом деле никаких проблем?

– Проблемы, может, и есть, но меня они не касаются. Почему вы вообще заговорили об этом?

– Он злой как черт. Я же говорил, он точно сбесился… Причем до десяти разговаривал со мной вполне по-человечески, а потом… и вызвал вас. Все знают, что вы… ну… когда что-то случается… – Он покраснел от досады, а я согласно кивнула, желая ему помочь. – У вас же юридическое образование, – добавил он, не придумав ничего умнее.

Это точно, образование у меня есть. В штате Деда я числилась помощником по связи с общественностью, кажется, это так формулировалось. На самом деле я осуществляла связь с милицией и сопутствующими службами, улаживая конфликты, которые время от времени у нас возникали. Иногда проводила собственное расследование, если так было угодно Деду. Не могу сказать, чтобы меня заваливали работой, но накануне выборов обязательно что-нибудь случалось. В настоящий момент я взирала на Черника и пыталась отгадать, что кроется за его беспокойством.

– Значит, у нас все нормально, – пробормотал он, по-прежнему не веря мне, и попытался смотреть проницательно, для чего сощурил глазки, которые за стеклами очков казались до смешного маленькими, и выпятил вперед подбородок. Наверняка накануне долго тренировался перед зеркалом с какой-нибудь брошюрой в руках из серии «Как придать себе значительность». Я их сама на досуге почитываю, без особого, впрочем, толка, и Чернику они, судя по всему, пользы не принесли.

– «Все» слишком сильно сказано, – наблюдая за ним, уточнила я. – Но пока ничего особенного.

– Ага, – кивнул он, это «ага» совершенно не шло человеку его внешности, но сейчас ему было наплевать на это. Он взглянул на часы, поерзал на стуле, словно не мог решиться на что-то отчаянное, затем приподнялся и сказал: – Ну, я пошел… работы по горло. – Но тут же опустил свой зад на прежнее место и жалобно посмотрел на меня. – Я хотел… Слушайте, почему бы нам с вами как-нибудь не поужинать вдвоем?

Если б он вдруг начал глотать ножи и вилки, это произвело бы на меня меньшее впечатление. Однако я не свалилась с высокого табурета и глаза таращить тоже не стала, растянула губы в улыбке и порадовала его:

– С удовольствием.

– Ага, – не очень-то вдохновился он. – Может, на следующей неделе?

– Или после выборов, – подсказала я.

– Да-да, работы сейчас невпроворот.

– В чем дело? – убрав улыбку с лица, совсем другим тоном задала я вопрос. – Чего ты ерзаешь, как уж на сковородке?

– Ничего, – испугался он и даже побледнел, пот выступил на лбу крупными каплями, он забыл про свой платок и теперь сидел, жалко хлопая глазами.

– Тебе кто-то звонил? – вспомнив типа с хриплым голосом, спросила я.

– Мне? Кто? Нет. С чего вы взяли?

– Возможно, кто-то, не пожелавший представиться.

– Мне никто не звонил, – взвизгнул он, испуганно огляделся и стал сползать с табурета. Я легонько ухватила его за плечо.

– Артурчик, если говорят «а», стоит сказать «б» или вовсе рта не раскрывать, в противном случае это выглядит очень подозрительно.

– Я… да вы что… я просто хотел…

– Иди, у тебя работы выше крыши. Мой телефон ты знаешь.

– Да, конечно, конечно.

Теперь он выглядел притихшим или сильно озадаченным и по-прежнему испуганным. Кивнул мне и поспешно удалился из бара, при этом его слегка пошатывало.

– Вот псих, – в сердцах пробормотала я.

Давить на него в настоящий момент не имело смысла, чего доброго заработает инфаркт, а мне бери грех на душу, как будто их у меня и так недостаточно. С другой стороны, Черник – истерик по призванию, вечно чего-то боится и подозревает мир в злых умыслах на свой счет. Сегодня он выглядел до того нелепо, что становилось ясно: что-то за этим есть. Не его фантазии, а некое событие, о котором он так и не решился мне сообщить, хотя имел желание. Ну вот, загадал загадку, теперь ломай голову.

Однако голову ломать я не стала, выпила еще чашку кофе, и неожиданно на меня накатила лень, захотелось домой, на родной диван, вздремнуть часик, а то и два, и пусть все катятся к черту со своими загадками. Я немного потешила себя этими мыслями и отправилась к машине. При свете дня она мне понравилась еще меньше, чем ночью, хотя и ночью вызвала острую жалость. Может, стоит походить на курсы вождения? Я обошла «Мицубиси»-седан по кругу, покачивая головой. В самый разгар самобичевания услышала за спиной густой бас:

– Это твой личный рекорд. – Повернулась и увидела Лялина, начальника нашей службы безопасности, рослого мужика лет сорока пяти с такими ручищами, что ими впору гнуть подковы. Он насмешливо улыбался мне, стоя в трех шагах от своего джипа, который выглядел как новенький, хотя Лялин ездил на нем уже лет шесть. – Так раздолбать тачку за полгода…

– Это моя тачка, – напомнила я.

– Конечно. Хочешь совет?

– Не хочу.

– Я так и думал. Однако, будучи старшим товарищем, не могу не напомнить, что садиться за руль…

– Вот только скажи что-нибудь по поводу моего пьянства, – перебила я, – и получишь в зубы.

– Это рискованно, – засмеялся Лялин.

– Ничего подобного, ты меня не тронешь. Деду это не понравится, а ты человек разумный. И осторожный.

– На самом деле я просто не в состоянии обижать хорошеньких маленьких девочек.

– Кто это здесь девочка? – хмыкнула я.

– Ладно, – засмеялся Лялин, обнимая меня за плечи. – В моем возрасте начинаешь чувствовать себя папашей всех, кому на пятнадцать лет меньше.

– «Хорошенькая» прозвучало как небесная музыка, – хихикнула я. – Последнее время только и слышу: «паршиво выглядишь».

– Завистники. Идем, поговорить надо.

Однако пошли мы не в офис, а устроились в машине Лялина.

– Единственное место, где можно говорить по душам, – вздохнул он. – Тачку только что проверили, так что расслабься. По какому случаю Дед звал?

– Воспитывал.

– Как считаешь, что следует ждать от жизни?

– Ты имеешь в виду убийство?

– Конечно. Дед вызвал меня, как только ты покинула его кабинет.

– Странно, у меня сложилось впечатление, что убийство его мало интересует.

– Он сказал, что ты одна справишься и подключаться моему ведомству нужды нет.

– Тогда о чем ты хотел поговорить?

– О тебе.

– Интересно, – вздохнула я, вглядываясь в его лицо. Благодаря рыжим усам Лялин походил на добродушного моржа – впечатление, очень далекое от реальности.

– Ты с таким интересом разглядывала свою тачку…

Не зная Лялина, можно было подумать, что он меняет тему разговора, но я неплохо его знала и, кивнув, ответила:

– Вмятина на крыле. Черт знает, откуда она взялась.

– Вот-вот. Ходят слухи, что ты много пьешь. Скажу больше: если верить слухам, ты законченная алкоголичка.

– Спасибо, – фыркнула я.

– А между тем пьешь ты немногим больше, чем любая девица твоего возраста, семейного положения и достатка.

– Чего? – подняла я брови.

– Обожаю, когда ты строишь из себя дуру.

– Ладно. Ты выяснил, что я не алкоголик. Что дальше?

– Кому-то понадобились эти слухи.

– Олег, – вздохнула я, – тебе надо менять работу. Слухи – это слухи.

– Не скажи, Детка. Все знают, что ты имеешь большое влияние на Деда…

– Чушь…

– Я сказал – влияние. Ты держишься в стороне и всячески подчеркиваешь, что его дела тебя не касаются. Можешь мне поверить, я не считаю тебя серым кардиналом, я даже убежден, что тебе в самом деле безразлично, куда мы катимся всем скопом, но я так же знаю, что Дед способен изменить свое решение под впечатлением от разговора с тобой. Может, из желания выглядеть благородным в твоих глазах или еще по какой-то забавной причине… И не только я это знаю…

– Мне не очень понятно, – нахмурилась я, так как разговор больше не казался занятным и вообще перестал мне нравиться.

– Сейчас объясню. Кому-то очень хочется, чтобы ты в его глазах выглядела скверно. Кто-то всерьез опасается твоего влияния. Кто-то к чему-то готовится…

– И это ты называешь «объясню»? «Кто-то», «кому-то»… Скоро выборы, и у всех крыша едет, в том числе и у тебя.

– Возможно. Если у меня едет крыша, это не страшно, хуже другое: если мы прохлопаем тот миг, когда…

– Ты меня успел запугать, – усмехнулась я, хотя испуганной не была.

– Я сам напуган. И это убийство мне не нравится. Держи меня в курсе. И подумай о моих словах.

– По-твоему, наши конкуренты…

– Не обязательно. У нас достаточно своих умных голов. – Вот в этот момент я насторожилась. Лялин не тот человек, кто будет делать подобные заявления ради красного словца. Мы обменялись взглядами. – И не задавай глупых вопросов, – проворчал он. – У меня ничего

нет. Я всего лишь отвечаю за безопасность Деда. Я знаю, скольких баб трахнул тот или другой его помощник, но я не знаю, о чем идет речь в кабинетах, куда мне нет хода.

– А хотелось бы? – не удержалась я.

– До ломоты в зубах. Потому что долгие годы в разведке обострили мой нюх. И я тебе по-дружески сообщаю: что-то назревает, подспудно, в состоянии повышенной секретности, и такие, как мы с тобой, могут оказаться у разбитого корыта. Это очень просто, если не знать, кто твои друзья, а кто враги. А как узнать, кто есть кто в этом серпентарии?

– Это что, предложение о сотрудничестве?

– Почему бы и нет? – вроде бы обиделся Лялин.

– Хорошо. Буду смотреть в оба.

– Давай-давай, смотри, – в тон мне ответил он, и я поспешила убраться из машины.

«Ну и денек, – горько сокрушалась я, топая к своей машине. – Столько информации на мою бедную голову. Как тут не выпить, чтобы поставить мозги на место?» Но странное дело – пить совершенно не хотелось. Умеют же некоторые испортить жизнь человеку.

Я отъехала на пару кварталов, чтобы не мозолить гражданам глаза, приткнула машину возле тротуара, уткнулась подбородком в скрещенные на руле ладони и задумалась. Насчет влияния, которое я якобы имею на Деда, Лялин ткнул в небо пальцем. Ничего подобного. Дед вообще не из тех, кто подвержен какому-либо влиянию. Происки конкурентов? Тоже вряд ли. Фигура я для них незначительная, не стоит тратить на меня время. Выходит, чешут языками от безделья, а Лялин в припадке подозрительности… Пожалуй, не стоит мне по вечерам в кабаках сидеть, можно дома, перед телевизором. Для меня разница небольшая, а граждане решат, что я после нагоняя с пороком завязала или глушу водку в одиночестве, что вероятнее. Кстати, водку я не жалую и на ночь выпиваю исключительно в медицинских целях, у меня бессонница. Ближе к часу ночи я начинаю так жалеть себя, что орошаю подушку слезами, потому что жизнь моя кажется мне загубленной безвозвратно, и лишь полбутылки вина способны вернуть мне душевное равновесие и навевают дремоту. И с мыслью: «А жизнь-то налаживается» – я засыпаю.

– Ты зануда, – громко заявила я по привычке. – Давай, делай что-нибудь, тебе ведь деньги платят.

До встречи с Волковым не худо бы заскочить в «Пирамиду», разузнать о погибшей девице. Найти Марка и дать ему задание присмотреть за Черником. Нервы у него вконец расшалились, вот пусть Марк им и займется.

Я набрала номер сотового, однако абонент оказался в зоне недосягаемости. Это могло означать только одно: Марк счастливо проводит время в сауне. Посещение сауны было для него сродни священному обряду, и телефон он отключал, едва лишь переступал порог данного заведения, руководствуясь девизом: «Пусть весь мир подождет».

Не успела я отложить телефон в сторону, как позвонил Волков.

– Сможешь сейчас подъехать в кафешку на Кузнецкой?

– Конечно, – ответила я и начала разворачивать машину.

Волков сидел за столом в глубине зала в гордом одиночестве, не считая молодого человека кавказской внешности, скучающего за стойкой. Других посетителей не наблюдалось. Я прошла и села напротив. Волков поднял голову от куска жареного мяса и вздохнул.

– Жрать это совершенно невозможно, – пожаловался он.

– А чего мучаешься?

– Так ведь деньги заплатил.

– Наплюй на деньги, здоровье дороже. Кстати о деньгах. – Я достала конверт и протянула Волкову. Он взял его, изучил содержимое и убрал во внутренний карман пиджака.

– Значит, Дед считает, что это может иметь серьезные последствия, – задумчиво изрек он.

– Дед считает, что мы должны помочь милиции изобличить убийцу.

– И ты будешь путаться у меня под ногами.

– Хлопот от меня немного, так что не строй из себя сироту.

– Хочешь водки? – вдруг спросил он.

– Я не пью.

– Давно?

– С самого утра.

– А я выпью. – Он жестом подозвал официанта, и через минуту тот принес ему водки. Волков выпил, закусил помидором и взглянул с печалью. – Иногда хочется наплевать на все и уйти куда-нибудь…

– Каждый раз, когда я привожу тебе деньги, ты говоришь одно и то же. Это что, рецидив совести?

– Ты-то, конечно, понятия не имеешь, что это такое, – буркнул он.

– Тебе просто нравится валять дурака. Мужик твоей комплекции не заводит дурацких разговоров со ста грамм.

– Не знаю, почему я испытываю к тебе симпатию.

– Знаешь. Но это неважно.

– А что важно? – прицепился он.

– Понятия не имею. Когда размышляю об этом, итог неутешителен. У меня почти всегда выходит – ничего.

– Оптимистично.

– А чего ты хотел?

– Ладно, по душам, считай, поговорили. Теперь о деле. Вскрытие показало: смерть девушки наступила где-то в районе одиннадцати вечера, примерно в 10.45. Причина – удушье… Чего ты морщишься? – спросил он.

– А с чего бы мне светиться от счастья?

– Девку удавили, причем до последнего момента она ничего не опасалась. Никаких следов борьбы. Она лежала в постели, убийца подошел сбоку, накинул ей на шею чулок и намотал его на спинку кровати. Девица открыла рот, с намерением закричать, но вряд ли преуспела в этом. Совершив этот подвиг, убийца сунул ей в рот доллары и занялся вскрытием, написал на стене заветное слово и был таков.

– Что тебе не нравится? – через минуту спросила я.

– Все, – ответил Волков, отправляя в рот очередной кусок мяса.

– Что тебе особенно не нравится? – предприняла я вторую попытку.

– Мы имеем дело с маньяком. Мне не нравятся маньяки.

– Может, кому-то хотелось, чтобы ты решил, что это работа маньяка?

– Смысл?

– Пока я его не вижу. Давай подумаем. Девчонке сломали шею. Почему бы на этом не остановиться?

– У меня два варианта. Либо псих не уверен был, что таким образом разделался с ней, и решил подстраховаться, либо находился в таком бешенстве, что просто сломать ей шею было для него недостаточным.

– Надпись на стене и доллары, втиснутые ей в рот?

– Похоже на приступ ревности. Тоже два варианта: девица была чересчур корыстной и ее дружку это надоело, либо он узнал, что она подрабатывает на стороне. Баксы в данном контексте означают одно: подавись этими деньгами. Надпись «Сука» в схему укладывается.

– Если этот парень маньяк…

– Не если. Ты же видела, что он с ней сделал.

– Маньяки убивают просто потому, что им хочется убить. Для этого необязательно изобличать измену.

– Куда ты клонишь? – наконец-то проявил интерес Волков.

– Против надписи я ничего не имею, – почесав нос, заметила я. – Маньяки любят оставлять автограф. «Сука» очень универсально, парень не любил женщин вообще, или продажных женщин, или брюнеток, или блондинок… Но доллары – это скорее жест обманутого любовника… Или обманутой жены любовника.

– Оригинально, – хмыкнул Волков. – Ты ж сама говорила, что ничего не слышала о женщинах-маньяках?

– А у меня большие сомнения в том, что там поработал маньяк. Псих – куда ни шло, но не маньяк. И женщина теоретически могла проделать это не хуже мужчины. Намотав чулок на спинку кровати, сломать девчонке шею не так уж трудно, а с бездыханным телом и вовсе вытворяй что хочешь. Кстати, вряд ли настоящий маньяк позволил бы своей жертве умереть так легко, что она, по твоим словам, и испугаться не успела. Он бы включил музыку погромче и выпотрошил ее еще живой.

Волков отодвинул тарелку и задумался.

– Если честно, мне это тоже приходило в голову, – изрек он.

– Девушка была изнасилована?

Волков отрицательно покачал головой.

– Кто обнаружил труп?

– Сосед возвращался домой около часа ночи, обратил внимание на приоткрытую дверь.

– Он входил в квартиру?

– Нет. Позвонил трижды, ему не ответили, и это его насторожило. Вместе с женой они разбудили соседей по лестничной клетке и, посовещавшись, вызвали милицию.

– А что за соседи?

– Обычные люди, среднего возраста и среднего достатка. С убитой едва знакомы, знали, что зовут Алла. Соседка была в ее квартире дважды, когда собирала деньги для установки железной двери подъезда. Мужчины, по их словам, к Алле заглядывали часто, утверждают, что никого опознать бы не смогли, не приглядывались.

– Но ведь кто-то дал довольно точное описание одного из гостей?

– Вчера. А сегодня утром никто ничего не мог вспомнить.

– Только не говори, что с ними успели провести работу.

– Не говорю. Я лишь хочу знать, чем мы будем заниматься: искать убийцу или дурака валять?

– Дед сказал: найти. Но следует учитывать, что любое выражение имеет ряд значений…

– Господи, как я ненавижу, когда ты умничаешь, – затосковал Волков.

– Он сказал найти и вроде бы совсем не впечатлился убийством. От визитки отмахнулся как от чего-то совершенно несущественного. И о помощи следствию говорил серьезно… Но это ничего не значит, то есть это не будет ничего значить, если во время следствия мы обнаружим нечто…

– Спасибо, что растолковала, – хмыкнул Волков. – Как только я увидел эту девку, сразу вспомнил о геморрое.

– Да, ты говорил. И не смотри на меня с огнем в очах, я всего лишь девочка на побегушках, глупо тратить на меня свои нервы.

– Ладно, будем считать, что мы его ищем, то есть хотим найти.

– Ага. Найти его необходимо, а вот остальное…

Волков опять поморщился, а я посоветовала себе придерживать умные мысли и виновато улыбнулась.

– Сейчас ребята беседуют с жильцами дома, – заговорил Волков. – Возможно, какая-то зацепка… В «Пирамиде» тоже с персоналом работают, но ты же знаешь… Короче, я хочу, чтобы в «Пирамиду» отправилась ты.

Я кивнула. Что ж, Волков прав, соседи, возможно, не приглядывались к гостям Аллы, а вот ее подружки в клубе должны быть в курсе ее любовных дел, так что мне следует узнать о них первой.

– Когда приступать?

– Сегодня. Ребята пробудут там часов до шести…

– Ясно.

– И еще. Я надеюсь, мы работаем вместе, – проворчал он.

– Само собой, – с легкой обидой ответила я, думая при этом, что пути господни, а также желания Деда, неисповедимы. Волков в таких случаях обычно ухмылялся, ни секунды не веря в мои слова, а тут вдруг уставился на меня, словно намеревался прочитать мои мысли, и изрек:

– Я на тебя рассчитываю.

Не иначе как водка в голову ударила. Я скроила постную рожу и закивала, пытаясь выразить незатейливой пантомимой готовность к сотрудничеству.

Но Волков на этом не угомонился, пожевал губами и заявил:

– Я думаю, нас ожидают испытания. В такое время хотелось бы знать, кто твой друг, а кто…

Они что, сговорились с Лялиным? Или в воздухе действительно пахнет грозой? И лишь я, по причине врожденной тупости, ничего не замечаю? А главное, все вдруг стали жутко заинтересованы в моей дружбе. Я людей разочаровывать не люблю, оттого, напустив в глаза легкой придури, с самым серьезным видом кивнула:

– Ты прав. Можешь на меня рассчитывать. – «А также на заступничество Пресвятой Девы Марии, к которой я ежедневно обращаюсь в молитвах», – мысленно добавила я, поднимаясь из-за стола. Волков проникновенно улыбнулся и даже пожал мне руку, вышло так трогательно, что захотелось броситься ему на шею. Но это было бы слишком, боюсь, он заподозрил бы меня в неискренности. – Я позвоню, – сказала я и пошла к выходу, оставив его наедине с недоеденным мясом и интересными мыслями.

Если с трех часов ночи, когда Волков заговорил о геморрое, я не ожидала от жизни ничего хорошего, то теперь и вовсе затосковала. То есть я хотела быть оптимистом и даже время от времени говорила себе: визитка ничего не значит, с какой стати мне об этом беспокоиться, но теперь от моего оптимизма почти ничего не осталось. Конечно, я и сейчас талдычила, что визитка – ерунда, но что-то меня всерьез беспокоило, что-то, чему я пока не находила названия.

Оказавшись в машине, я немного поскучала, таращась на прохожих, и в конце концов собралась ехать домой. В «Пирамиду» пока слишком рано, а изобрести еще какую-либо полезную деятельность (полезную для Деда, разумеется) я не смогла и решила посвятить время до вечера личной жизни.

Вспомнила про расхожий комплимент, что паршиво выгляжу, и заглянула в салон красоты, где провела полтора часа, пытаясь отделаться от тягостных мыслей. Пообедала в кафе и наконец прибыла домой. Генерал в отставке приветствовал меня со своего балкона.

Я решила повысить свой культурный уровень, взяла с полки первую попавшуюся книгу и плюхнулась в кресло. Мне повезло: книга оказалась справочником «Целебные растения средней полосы», и минут через двадцать я уже дремала, до тех пор, пока не услышала за спиной шорох. То есть я не была уверена, что это шорох, но на всякий случай швырнула

книгу через плечо, раздался хлопок, из чего я заключила, что книгу Марк поймал и, весело хихикая, сообщил:

– Один–ноль в твою пользу.

– Я тебя просила звонить в дверь. Однажды ты доведешь меня до инфаркта.

– Замок так себе. Хочешь, я поставлю тебе настоящую дверь с настоящими замками?

– Что мне за радость, если ты ее все равно откроешь?

Марк опустился в соседнее кресло, закинул ноги на подлокотник и широко улыбнулся мне. Когда я впервые увидела эту улыбку, мне понадобилось часа полтора, чтобы прийти в себя. Всегда хмурый, неразговорчивый, Марк имел репутацию очень злобного типа и старательно ее поддерживал. Многие считали его параноиком и в придачу садистом, на самом деле он был циник, что тоже не очень хорошо, с точки зрения большинства граждан, но я к их числу не отношусь.

Официально в штате Деда он не числился, называя сам себя порученцем. Какой смысл он вкладывал в это слово, мне неведомо, а желания уточнять у меня не возникало. Лет пять назад я определила для себя, что в этом мире касается меня, а что нет, так вот то, чем занимался Марк, меня не касалось.

Поначалу я, как и все, старательно Марка избегала, пока вдруг его родной брат, который время от времени тоже работал на Деда, не оказался в паршивой ситуации. Я пробовала его вытащить и почти преуспела в этом, но парню мои труды не пошли на пользу, и вскоре он скончался, как говорили, от острой сердечной недостаточности. Последствия для меня были самыми невероятными. Марк нашел меня в баре, где я, по обыкновению, размышляла о смысле жизни, и мы немного поболтали о том о сем. Дня через два мы опять встретились и вновь поболтали. В ту зиму это стало для меня основным событием, я имею в виду по яркости и неожиданности. Потом Марк выдал свою шикарную улыбку, и я всерьез предложила себе пересмотреть свои основные жизненные принципы. Правда, до этого дело так и не дошло, но Марка я стала считать своим другом, с небольшой ссылкой на то, что человек человеку волк. Мы вполне могли бы подружиться по-настоящему, но этому сильно мешало мое твердое убеждение, что друзья обременительны: с ними вечно что-нибудь случается.

Выглядел Марк очень забавно: маленький, худой, с узким личиком, совершенно белыми волосами и серыми глазками, он походил на рахитичного подростка, хотя ему недавно исполнилось тридцать два года. Он утверждал, что был жокеем, однако врал (он вообще любил соврать и делал это мастерски, а я любила его слушать), некоторое время работал в цирке (это правда: он чистил клетки)… Единственное, что меня интересовало – как он прибился к Деду, но как раз об этом он помалкивал, а если врал, то совсем неинтересно, я ему так прямо об этом и заявила. Марк обиделся, и данную тему мы оставили.

Он поглазел на меня, подергал себя за мочку уха с золотой серьгой в виде полумесяца и сообщил:

– Наметилось движение.

– Где? – насторожилась я.

– В природе. И в нашей богадельне тоже. Ведь не просто так ты мне звонила?

– Не просто, – кивнула я.

– И что такого интересного в мире?

– Дурацкое убийство, два предложения о дружбе и сотрудничестве и геморрой в перспективе.

– Тебе предлагали дружбу? – вытаращил глаза Марк.

– Ну, возможно, это сильно сказано, но о сотрудничестве речь шла точно.

– Занятно. И что ты думаешь по этому поводу?

– Теряюсь в догадках. – Я коротко пересказала Марку недавние события. Против обыкновения, он комментировать их не стал, кивнул и спросил:

– Хочешь, чтобы я присмотрел за Черником?

– Хочу.

– Сделаем. – Он легко поднялся и пошел к двери, обернулся и сказал укоризненно: – Я ведь просил тебя запирать дверь на задвижку. Кроме шуток…

– Грабителей в моей квартире постигнет горькое разочарование. Иди и не донимай меня умными советами, я спать хочу. Вечером предстоит посетить «Пирамиду».

– Девки могут заартачиться. Мне стоит пойти с тобой, обычно они добреют, как только увидят меня.

Я хихикнула и кивнула, соглашаясь. Марк вышел из комнаты, хлопнула входная дверь, я еще немного послушала тишину и решила, что она действует мне на нервы, включила телевизор и прилегла, а когда пожелала оторвать голову от подушки, оказалось, что мне пора отправляться в «Пирамиду».

Марк сидел в баре, уткнувшись взглядом в бокал с какой-то дикой смесью. Бармен старался держаться от него подальше. При этом он поглядывал через плечо, пытаясь отгадать, какое впечатление производит на Марка. Он явно рассчитывал на то, что Марк понимает: у такого оптимистичного парня, довольного своим местом под солнцем, все просто отлично. Так что Марк зря сюда притащился, если задумал что-то накопать.

Я села рядом. Марк, не отводя взгляда от бокала, заявил:

– С Генкой я перекинулся парой слов, ты можешь устроиться в его кабинете, там с утра сидели менты.

Я кивнула и пошла на второй этаж. Геннадий Сергеевич, директор данного заведения, сидел в своем кабинете. Я вежливо поздоровалась. Он выглядел слегка встревоженным. Вряд ли, впрочем, оттого, что ночью погибла одна из его подчиненных, скорее его угнетал факт присутствия Марка этажом ниже. На знающих людей – а Геннадий Сергеевич был знающим человеком – это не могло не произвести впечатления: если к делу подключили «порученца», значит, дело серьезное и вполне может завершиться чьим-то инфарктом. Геннадий Сергеевич отличался отменным здоровьем, но ведь здоровье – категория временная, сегодня оно есть, а завтра, смотришь, уже и нет.

– Добрый вечер, – поднимаясь из-за стола, приветствовал он меня. – Вот, пожалуйста, садитесь на мое место, здесь вам будет удобно.

– Спасибо, мне и тут хорошо.

Я устроилась на диване. Геннадий Сергеевич замер в трех шагах от стола, не зная, то ли вернуться в свое кресло, то ли перебраться ко мне поближе, а в результате топтался на месте с растерянной физиономией.

– Такая… такое несчастье, – вздохнул он. – Кто бы мог подумать…

– Да-а, – протянула я неопределенно. – Геннадий Сергеевич, передо мной стоит задача раскрыть это преступление, то есть всячески содействовать следствию, хотела я сказать. Господа из милиции уже были и ничего особо ценного из разговоров с девушками не почерпнули, что меня не удивляет. Так вот, то, что вы рассказали ментам, меня не волнует, мне интересно то, что вы им не сказали.

– Конечно, я понимаю… – Он вздохнул и опустился в кресло с самым разнесчастным видом. С одной стороны, говорить как на духу он был просто обязан, с другой, как все в нашем серпентарии, не очень-то верил заверениям, что мы одна команда. Каждый играет сам за себя, говоря попросту. Потому-то он сильно опасался, не выйдет ли ему боком собственная откровенность, если она заденет чьи-то интересы. – Алла была девушкой осмотрительной, – начал он. – У меня с ней проблем не возникало. Насколько мне известно, жениха у нее не было. Я имею в виду…

– Я поняла. Жениха не было, а поклонники?

– Сколько угодно, – пробурчал он. – Она ведь красавица и далеко не дура… ну, вы понимаете. Здесь мы ничего такого не позволяли, девушки подписывают обязательство, вы, наверное, знаете? Алла была солисткой труппы, пользовалась успехом, но в стенах клуба… Конечно, дома она могла принимать кого ей заблагорассудится.

– И кого она принимала?

– Лично я в ее квартире никогда не был, – перегнувшись ко мне, почему-то шепотом сообщил Геннадий Сергеевич, – и понятия не имею… то есть я могу только догадываться… у нас респектабельное заведение и…

– Давайте ваши догадки, – кивнула я.

Через минуту я смогла убедиться, что девица в самом деле пользовалась большой популярностью. В числе ее поклонников были: глава крупнейшего предприятия в городе, один банкир и два бизнесмена. Самой интересной фигурой для меня, безусловно, оказался Губарев Лев Николаевич, секретарь и ближайший помощник нашего основного конкурента. Возможно, что светлая мысль подставить Деда пришла в голову именно ему. Бились мы насмерть, и от конкурентов можно было ждать чего угодно. Но я была склонна считать, что подобная подстава – это все-таки чересчур.

– Отлично, – кивнула я, наблюдая, как Геннадий Сергеевич томится в своем кресле, точно в ожидании конца света. – Кто еще? – Взгляд его потух, он смотрел скорбно и сосредоточенно, возможно, рассчитывал на озарение свыше или прикидывал вероятные последствия. – Вы дурака-то не валяйте, – поторопила я.

Он вздохнул и выпалил:

– Черник Артур Петрович. Кажется, он за ней ухаживал.

– Что значит «ухаживал»?

– Ну… приносил цветы. Говорят, подарил кольцо… Об этом лучше у девушек спросить. Я ведь не знаю… со мной они не откровенничают.

В то, что он не знает, я ни секунды не верила, однако сразу поняла – настаивать глупо.

– Хорошо, оставим пока Черника. Кто еще?

– Ну… один молодой человек. По правилам клуба мы не имели права…

– Сколько ему лет?

– Семнадцать, кажется.

– А фамилия у него есть?

Последовал очередной вздох.

– Нефедов.

– А зовут мальчика?

– Игорь.

– Отлично. Отчество, конечно, Константинович? – Геннадий Сергеевич кивнул. Так, несовершеннолетний сын ближайшего Дедова друга и помощника наведывался к убиенной. – А как Алла относилась к его… посещениям?

– Вы меня поймите, – горячо зашептал Геннадий Сергеевич. – С одной стороны, я, конечно, не приветствовал… Семнадцать лет, и неизвестно, как отец на это посмотрит, с другой, если я вмешаюсь, не сделать бы хуже, ведь Константину Сергеевичу могло бы не понравиться…

– И вы сделали вид, что ни о чем не знаете.

– А вы бы что сделали на моем месте? – огрызнулся он.

– Долго они встречались?

– Месяца два, не больше.

– Что собой представляет этот юноша?

– Ну… обычный бездельник. Швыряется деньгами, может сделать пакость, если вдруг решит, что к нему не проявили уважения. Я с ним не общался, то есть всячески этого избегал,

но девушки на него жаловались, и я даже пробовал поговорить… не с отцом, конечно, нет, а с его секретарем…

– И что?

– Обещали принять меры.

– Приняли?

– Я этого не заметил.

– А родитель девицу случайно не навещал?

Лучше бы я публично плюнула на российский флаг или занялась любовью на виду десятка граждан, – физиономия Геннадия Сергеевича скривилась от внутренней боли, затем боль сменило отвращение, а закончилось все испугом.

– Вы… вы шутите? – только и сумел произнести он. – Я не знаю, откуда у вас такие сведения, – слова полились из него мощным потоком, – но я об этом знать ничего не знаю. И думаю, что девочки… во всяком случае, перед приходом милиции я их проинструктировал лично.

– Кстати, совершенно напрасно, – перебила я. – Мы, – я подчеркнула слово «мы» и даже посмотрела на потолок, чтоб Геннадию Сергеевичу стало ясно, кого я имею в виду, – заинтересованы в том, чтобы милиция как можно скорее нашла убийцу. Девушка работала у нас, и наш долг…

– Да-да, – кивнул Геннадий Сергеевич, – конечно. Я же понимаю. Но я вам клянусь, Константин Сергеевич, то есть господин Нефедов, никогда… То есть он бывал здесь неоднократно и как будто проявлял интерес к одной из девушек, но Алла… мне это даже в голову не приходило, по-моему, он не обращал на нее внимания.

– А та девушка…

– Та девушка вышла замуж и уехала из города.

– Ее данные вы мне на всякий случай сообщите.

Он сообщил, но с таким видом, точно выдал государственную тайну и с минуты на минуту ждал возмездия. Я записала фамилию и прежний домашний адрес девицы в записную книжку и весело посмотрела на хозяина кабинета.

– А теперь, если не возражаете, я бы хотела поговорить с девушками.

– Конечно. Я вас оставлю.

Первой в кабинете появилась Вероника. Высокая и стройная до такой степени, что поневоле возникало беспокойство, как бы она, перегнувшись пополам, случайно не сломалась. Она была в концертном костюме и сразу сообщила, что ее номер через полчаса, после чего устроилась в кресле и нахмурилась. Двадцатиминутный разговор с ней ничего полезного не дал. Действительно, хаживал к Алке один малолетка, но она даже имени его не знает. Был и банкир, но весь вышел, жена у него стерва страшная, чего-то пронюхала, и он больше месяца носа не кажет, еще и от Алки прятался, она дозвониться до него и то не смогла.

– А звонила зачем? – полюбопытствовала я. – Соскучилась?

– Он вещи кое-какие у нее на хате оставил. Алка с дури взяла и выбросила их на помойку, потом, конечно, опомнилась, но вещички тю-тю.

– Парень у нее был?

– Если только малолетка этот, а так… мужики были, денежные. Разницу объяснить?

– Без надобности, – покачала я головой. – Вероника, – обратилась к ней я, – вы знаете, что произошло с Аллой? Как думаете, кто мог это сделать?

– Откуда мне знать? Псих какой-нибудь…

– Ясно, что знать вы не можете. Я ведь спросила, что вы думаете?

– А… ну это сложно… честно говоря, в голове не укладывается. Ведь он чокнутый, да? Может, кто влез в квартиру, а там Алка, вот с перепугу…

– Судя по всему, Алла своего гостя не боялась.

– Может, она его заметить не успела, он подкрался, удавку на шею…

«А вот это вряд ли, – кивая, думала я. – Две рюмки на столе, коньяк, сама хозяйка в полуголом виде. Очень похоже, что гость был званым».

– А что девочки говорят?

– Наши?

– Конечно.

– Ничего. Говорят, конечно, но… ясное дело, нарвалась на маньяка. Не повезло.

Я еще немного поболтала с ней, и мы простились. Беседы с другими девушками тоже ничего не дали, все дружно повторяли «не знаю», «не слышала», а выглядели такими испуганными, что их вид отбивал всякую охоту к разговорам. Это продолжалось до тех пор, пока в кабинете не появилась рослая красавица с иссиня-черными волосами в ярко-красном платье. На меня она взглянула с плохо скрытой усмешкой. Села, выбрав стул, закинула ногу на ногу и спросила:

– Курить можно?

Голос с хрипотцой звучал очень сексуально, и вообще на нее стоило посмотреть. В присутствии такой красавицы особи вроде меня начинают чувствовать свою неполноценность. Я вдруг подумала, что вряд ли дотянусь носом до ее плеча, а вслед за этим решила, что посещение салона не пошло мне на пользу, а вот эта Инесса и без денежных затрат выглядела хоть куда. Мне сделалось грустно, в основном из-за напрасно потраченных денег.

– Вы ведь не из милиции? – спросила Инесса насмешливо. – Те с утра здесь шныряли.

– Они с утра, а я к вечеру. Геннадий Сергеевич, должно быть, объяснил вам, чьи интересы я представляю? Хозяева ночного клуба обеспокоены происшедшим и хотят, чтобы убийца поскорее оказался в тюрьме.

– Алка сама виновата, – закурив, бросила она. – Трахалась со всеми подряд. Помешалась на бабках и болтала много.

– А было о чем? – улыбнулась я.

Инесса пожала плечами:

– Она пользовалась успехом.

– Кажется, среди ее поклонников один был очень юный?

– Был.

– Какие у них сложились отношения?

– Нормальные. Он гордился, что трахает нашу первую красавицу, друзьям ее показывал, а она гордилась им.

– Чем же парень был так хорош?

– Папой. Парень ей был без надобности, а от папы она точно бы не отказалась.

– И что? Преуспела?

– Не знаю. Возможно. Если ее послушать, выходило, что все мужики по ней просто с ума сходили.

– И кого из сошедших с ума она называла?

– Например, хвастала кольцом и утверждала, что ей подарил его Игорь Николаевич Кондратьев. Небось о таком слышали? – Теперь глаза ее откровенно смеялись, девчонка умная и наверняка осведомлена о многом, а слухи о том, что я любовница Деда, ходили в народе наряду с легендой о моем алкоголизме.

– Она с ним встречалась?

– Я считаю, она все выдумала, чтоб наших девок позлить. Но деньги у нее водились, раскрутить мужиков она умела. Говорят, ей эти деньги в рот и засунули. Правда?

– Правда.

– Значит, кому-то не понравился ее способ зарабатывать.

– А может, не способ, а жадность? – подсказала я.

– Жадна она была без меры, это точно.

– Парень у нее был?

– Нет. Конечно, руку отдавать на отсечение не буду, но уверена – нет. Во-первых, никогда о нем не говорила, во-вторых, парень ей был не нужен. Ей денег хотелось. Больших.

– Один из способов их получить – выйти замуж за богатого человека.

– Богатые все при женах и разводиться из-за девки кабацкой почему-то не спешат.

– Это довольно престижный ночной клуб…

– Ну и что? Сути это не меняет. Клуб, кабак…

– Как считаете, при случае она могла бы кого-то шантажировать?

– Вполне. У нее не заржавеет.

– Вы сказали, Алла болтала много, а вот Геннадий Сергеевич утверждает, что убитая была разумной девушкой и болтать не любила.

– Может, с ним она и не болтала, он у нас в гримерке не торчит.

– Как вы думаете, кто мог ее убить? Разумеется, я не фамилию спрашиваю.

– Один из ее мужиков, это ясно… а за что… думаю, тоже ясно, если в рот баксы запихнули, чтоб она ими подавилась.

– Любовник на почве ревности?

– Любовник, которому она осточертела, деньги из него выколачивая.

– Почему бы просто не послать ее к черту?

– Люди разные, – усмехнулась Инесса, – а Алка была любопытной.

– То есть она могла что-то знать о человеке, не подлежащее огласке?

– Вы ведь моим мнением интересуетесь. Только не спрашивайте: кто это может быть? Кто угодно.

– Девушки, наверное, напуганы, – решила я сменить тему.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Скорее удивлены. Мужики у Алки все приличные, и вдруг такое… Может, в самом деле подцепила на улице какого-то маньяка по пьяному делу?

– А она что, любила выпить?

– Алкоголичкой не была, врать не стану.

– Кто ей квартиру снимал, вы знаете?

– Черник. По крайней мере, она так говорила.

Я уткнулась в свои записи, надеясь, что девица не обратит внимание на выражение моего лица. Оказывается, Черник не только был знаком с убиенной, но даже квартиру ей снимал. Вот и причина его утренней нервозности.

Инесса уже несколько раз поглядывала на часы, я решила обратить на это внимание.

– Торопитесь?

– У меня номер во втором отделении.

– Что ж, в таком случае всего хорошего. – Она поднялась и пошла к двери. – Если вдруг придет в голову что-то интересное… – торопливо сказала я и протянула ей визитку, она взяла ее, кивнула и вышла. Я была уверена, что мою визитку она выбросит в урну через пять шагов по коридору.

Однако совсем бесполезным свое пребывание здесь я не считала, что-то как будто начало проясняться, хотя, может, наоборот, еще больше запутываться. Стоит побеседовать с Черником. Он знал об убийстве (от кого?), и у него был повод для ревности. Кстати, почему бы ему и не убить ее под горячую руку? Этим человеком вечно все помыкают, а такие типы на многое способны, если в мозгах у них начинает клинить. С моей точки зрения, он идеально подходил на роль убийцы, но именно это и настораживало. Был и еще повод не рыдать от счастья: это открытие вряд ли понравится Деду.

Марк по-прежнему сидел в баре, нагоняя тоску на окружающих. Я кивнула ему, мы покинули заведение и немного прошлись вдоль стоянки машин.

– Ну, что удалось узнать? – хмыкнул он. Я поведала ему о Чернике и малолетнем сыночке Нефедова. – Вона как, – весело хихикнул Марк. – Оба запросто могли кокнуть девку. Один жутко неуравновешенный тип, а у второго паршивый возраст, того и жди, что с катушек съедет.

– Вот именно – съедет, – фыркнула я. – Ничего не имею против убийства на почве ревности – Отелло, Яго, подброшенный платок, но благородный мавр супругу просто придушил, у него и в мыслях не было ее освежевывать.

– Так на то он и благородный. Значит, пацан или Черник? И то и другое одинаково плохо, не для нас, конечно, а для общего дела. А нас учили, что коллектив…

– Слушай, почему тебя все считают молчуном? – удивилась я.

– Потому что я хитрый. Ладно, Черник от нас никуда не денется, а с парнем надо решать, пока Нефедов не прознал о нашем интересе к своему чаду. Тогда мы с ним вряд ли увидимся. Я имею в виду отпрыска.

– Что ты о нем знаешь?

– С отцом не ладит. Мать в психушке уже два года, официальная версия – лечится в Швейцарии от какой-то хитрой болезни.

– Она действительно в Швейцарии?

– В соседней области. Неплохая клиника, говорят, стоит немалых денег. Парень закончил школу и теперь болтается без дела, хотя и в школе его видели нечасто. Все.

– Папаша, возможно, еще в офисе, стоит попытать счастья и наведаться к сыночку.

– Поехали, – кивнул Марк, и мы пошли к моей машине.

Особняк Нефедова выглядел впечатляюще. Зеленая лужайка, кусты роз, фонтан и двухэтажный дом с колоннами. Крыльцо с лестницей на две стороны со скульптурными львами у основания. Мы свернули к дому и переглянулись.

– Внутренний голос подсказывает мне, что проникнуть в этот домик будет совсем не просто, – заявил Марк.

– Ты же утверждал, что откроешь любую дверь, – хихикнула я.

– Допустим, открою. И что дальше?

Как раз в это время дверь открылась без стараний Марка, и по лестнице торопливо спустился парень в светлых штанах, рубашке нараспашку и кедах. Темные волосы взъерошены, выражение лица отсутствующее, точно парень о чем-то мечтал. Он свернул к деревьям у ворот, где стояла серебристая «Хонда». К ней парень и направился.

– Нам стоит поспешить, – сказал Марк, и мы припустились к машине. Парень открыл дверь, когда мы оказались рядом. Марк взглянул на него и сказал: – Разговор есть. – Парнишка испуганно потянул дверь на себя, пытаясь закрыть ее, и пробормотал:

– Вы кто? Я сейчас отцу позвоню.

– Обязательно. Только чуть позже.

Марк рванул дверь и рявкнул:

– Подвинься. – Что тот и сделал. Я устроилась на заднем сиденье и приветливо сообщила:

– Мы друзья твоего отца, так что все в порядке. Ты знаешь, что Алла погибла?

– Погибла? То есть какая Алла?

– Не отнимай у нас времени глупыми вопросами, – попросил Марк, парень принялся кусать губы и нервно оглядываться.

– Я буду говорить только в присутствии адвоката, – заявил он, мы переглянулись.

– С какой стати? Или это ты ее пришил?

– Вы что, с ума сошли? – перепугался он.

– Тогда забудь об адвокате и ответь на наши вопросы, – попросила я.

Нефедов-младший посмотрел на меня и сделал попытку улыбнуться.

– Я вас узнал. Вы были у меня на дне рождении с Игорем Николаевичем. Да? Мне шестнадцать лет отмечали. Помните, на яхте? У вас еще шляпу ветром унесло.

– Помню, – порадовала я. – Давай поговорим об Алле.

– Что с ней случилось? – проявил он интерес.

– Ее убили. – Я не могла решить, удивило его это сообщение, испугало или он был прекрасно осведомлен о случившемся.

– Убили? – переспросил он. – Когда?

– Вчера вечером. Ты ведь, кажется, неплохо ее знал?

– Знал. Ну и что? У нее мужиков как грязи. Мне это надоело, и я с ней завязал, неделю назад. У меня девчонка появилась. Может, не такая красавица, но с ней… в общем, она мне больше подходит.

– И вчера вечером ты был со своей девчонкой?

– Да. Папаша редко здесь ночует, дом в моем полном распоряжении. Если хотите, спросите у нее.

– Без надобности, – отмахнулась я. – Уверена, девушка подтвердит твои слова.

– Конечно. Мы вчера часов в семь приехали, утром я ее проводил…

– Ты сказал, мужиков у Аллы было много, – прикидывая, что бы еще такое спросить, начала я, но он меня перебил:

– Я сказал «как грязи». Шлюха она. Самая настоящая.

– Давно ты это узнал? – воззрившись на юного радетеля женской чистоты и непорочности, осведомилась я.

– Чего? – нахмурился он.

– Что в моем вопросе требует уточнения? – вытаращила я глаза. Парень моргнул, а Марк весело улыбнулся. Он считает, что у меня есть чувство юмора, я очень дорожу его мнением, потому что больше так никто не считает, и иногда просто из кожи лезу, чтоб ему понравиться. Но сейчас был не тот случай и он мог бы не соваться со своим хихиканьем. Я злобно взглянула по очереди на того и другого. Марк с умным видом поспешно уставился в окно, как будто там происходило что-то чрезвычайно для него интересное, а юноша изрек:

– А-а… Ну, давно.

– Значит, когда ты с ней познакомился, то считал, что она девушка скромная и… Кстати, где вы познакомились?

– Ладно, – вздохнул он, – я понял. Конечно, я знал, что она шлюха, ясное дело, если скачет с голой задницей. Но ведь и шлюха шлюхе рознь. Если ты заводишь себе парня, это к чему-то обязывает, верно? – С вопросом он обращался ко мне и требовал ответа, судя по горящему взору.

– Не знаю, – покачала я головой. – Я не завожу парней. У меня слишком много работы.

– Шутка, – изрек Марк, оторвавшись от созерцания пейзажа. – На самом деле заводит. Меня, к примеру.

– Вы будете слушать, или я слова больше не скажу, – разозлился юноша, я тоже изобразила на лице гнев и погрозила Марку пальцем, а Игорю предложила:

– Валяй.

– Короче, мы не подошли друг другу.

– Потому что, кроме тебя, у нее были еще парни?

– Да. Алка просто помешалась на бабках. По-моему, ей было все равно с кем. Сначала мне нравилось, что на нее обращают внимание и вообще…

– Ты меня с ума сведешь, – начала я терять терпение. – Тебе то нравится, что она шлюха, то не нравится. Давай по порядку. Где вы познакомились?

– В клубе, – вздохнул он. – У моего дружка был день рождения. Я решил произвести впечатление и пригласил всех в клуб. Выпили, и тут как раз Алла со своим номером. И… мне захотелось…

– Выпендриться, – подсказала я, сообразив, что нужное слово он будет искать долго, а я уже сатанела от дурацких разговоров, с трех часов ночи одни разговоры, и что толку?

– Ну, выпендриться, – пробурчал он. – Она старше меня и в самом деле красивая. Я сунул ей деньги в трусы, а после выступления пошел к ней в гримерку. Вот так и познакомились.

– И стали любовниками?

– Нет, – с неохотой отозвался он. – Она вроде была не против, но как до дела доходило… Я же говорю, она самая настоящая стерва, ей нужны только деньги. А кому приятно чувствовать себя придурком, которого дразнят как собаку? Я перестал ей звонить, она тут же сама позвонила. Мы поехали на дачу, но там опять началась сказка про белого бычка. Я понял, что это пустой номер, и завязал.

– В течение недели, что вы расстались, она не пыталась увидеться с тобой?

– У нее появились дела поинтереснее.

– Какие?

– Вы у своих друзей спросите, – зло ответил он. – Вы ведь с папашей друзья, выходит, всех знаете, вот и поспрашивайте.

– Так, парень, – насторожилась я. – Вот сейчас настал самый любопытный момент нашего разговора. Кого из ее друзей ты имеешь в виду?

– Я же сказал, непонятно, что ли?

– Наверное, я не очень сообразительная.

– Узнайте, кто ей квартиру снимал.

– А ты знаешь?

– Догадываюсь.

– Так чего нам тогда мучиться и узнавать?

– Черник, – подумав, сказал он. – Между прочим, к ней и ваш Кондратьев ездил, Дед, как вы его зовете. Я сам видел.

– Что значит «видел»? Ты встречался с ним в ее квартире?

– Нет, конечно. Я во дворе был.

– Приступ ревности?

– Ну, приступ. Она ведь мне нравилась.

– Она нравилась тебе так, что ты торчал в ее дворе, разглядывая ее любовников? И бросил девушку, решив, что их слишком много?

– Кончайте острить. Одно дело – когда к ней ездят все эти мужики и совсем другое – когда твой… – Он вроде бы подавился, такое было впечатление, покашлял и уставился на свои руки.

– Кого ты там застукал? Отца? – вздохнула я. Игорь не ответил, но мне его ответ был не нужен, и так все ясно.

– Когда это случилось?

– Пару недель назад. И вовсе я их не застукал, она мне сама сказала. В тот раз, когда мы на даче были, вдруг папаша нагрянул. Она и принялась перед ним хвостом мести. Просто противно. И он тоже хорош… Ну, старалась она не зря, он приехал в клуб, а потом к ней домой.

– Это она тебе сказала?

– Ага. Я пришел к ней, она стала меня выпроваживать и здорово злилась. Мне стало интересно, и я сказал, что никуда не уйду. Вот ей и пришлось рассказать. Потом я познакомился со своей девчонкой и про эту шлюху думать забыл.

– И больше с ней не виделся?

– Нет.

– И не звонил?

– Зачем мне ей звонить?

– Может, она тебе звонила? – По его физиономии стало ясно, я попала в точку, актером он был никудышным и знал об этом. Вздохнул и вновь сосредоточился на своих руках. – Когда она звонила?

– Вчера, – с неохотой ответил он. – Вечером.

– Время помнишь, приблизительно?

– Ну, мы пришли где-то в семь, стали телик смотреть, потом звонок… в восемь, может, в половине девятого.

– Как она объяснила свой звонок?

– Ничего она не объясняла. Просто сказала, что у нее выходной, что в квартире жарко и она ходит в одних трусах. Я ей посоветовал их снять, чтоб было прохладней. Она разозлилась, я ее послал, она услышала голос моей девчонки и стала приставать, с кем я и все такое, я ее опять послал, а она сказала… гадость, в общем. Она здорово разозлилась.

– Я не люблю гадости, – заверила я, изобразив соответствующую мину, – но тебе придется повторить, что она сказала.

– Зачем?

– Пока не знаю, но это может быть важным.

– Чушь, она просто разозлилась… Сказала, что смеялась надо мной и звала к себе, чтоб увидеть, какие у нас будут лица…

– У кого у вас? – Он с удвоенным усердием занялся своими руками. – Мне что, слова из тебя клещами тянуть? – нахмурилась я. – У нее был твой отец в тот момент? Она что, при нем звонила?

– Нет. Он должен был приехать.

– Ясно. Она не сообщила, во сколько?

– Нет. Спросите у отца.

– Обязательно, – буркнула я. – А ты случайно не поехал к ней, чтобы доставить папе удовольствие?

– Очень мне надо. Я был со своей девчонкой. И я совсем не ревновал. Она шлюха, понимаете? Она спала с моим отцом, и ей очень нравилось дразнить меня. Может, кого-то это заводит, но я послал ее к черту.

– Понятно. Спасибо за содержательную беседу.

– Пожалуйста, – ответил он, взглянув на Марка.

– Что скажешь? – спросила я, направляясь к своей машине.

– Он вполне мог ее убить. А что? Пришел, чулок на шею… И все эти надписи и разложенные по простыне кишки в стиле нынешней молодежи.

– Перестань паясничать.

– А я не паясничаю. Я в самом деле так думаю. Другой вариант – девку придушил папаша. Если она не врала, он должен был вот-вот объявиться. Допустим, часов в девять, в половине десятого, а кончина наступила около одиннадцати. По времени подходит. У меня только два вопроса: с чего папаше вдруг вздумалось ее придушить, опять же кишки…

– Какие кишки? – рассвирепела я.

– Те самые. Трудно представить господина Нефедова, орудующего кухонным ножом. Ведь девку потрошили кухонным ножом, так?

– Если верить Волкову…

– И никаких отпечатков пальцев?

– Никаких. Ни на ноже, ни в самой квартире.

– И это в жилище девки, где, судя по словам близких покойной, мужики табунами ходили. Неужели ни одного пальчика?

– Отстань от меня. Думаю, Волков на потолке проверить не поленился. Так что вывод один: кто-то хорошо убрал в квартире. И дверь оставил приоткрытой, чтоб девушка не лежала в одиночестве несколько дней кряду, теряя былую красоту.

– Вот-вот. А как тебе близкое знакомство Деда с покойной? Или для тебя это вовсе не новость?

– Новость, которая не стала неожиданностью, – ответила я, заводя машину.

– Беседуя с тобой, я начинаю ощущать недостаток образования. Ну так что с пацаном? Тряхнем немножко или для начала разживемся высочайшим соизволением?

– Чем протирать штаны рядом со мной, лучше бы занялся Черником, – разозлилась я.

Марк прикинулся обиженным.

– Ты не говорила, что я должен бегать за ним лично. Я думал, тебя интересуют результаты. Они будут. Если, конечно, Черник не засядет, по обыкновению, в офисе на двадцать четыре часа. Кстати, он тоже подходит на роль убийцы. Если не считать кишок. Дурацкие кишки не лезут ни в какие ворота.

– Это точно, – вынуждена была признать я чужую правоту, хотя и не люблю делать это по идейным соображениям. – С кухонным ножом трудно представить и папашу Нефедова, и нашего Черника. Тот, конечно, истерик и уж очень напуган, но… Скорее парнишка, насмотревшись фильмов о маньяках, мог устроить девичьей карьере эффектный финал.

– Тряхнем мальчика? – предложил Марк.

– Тряхнем Черника. Чтобы так психовать, как он, нужны причины. Очень может быть, что он вовсе не отдыхал ночью в своей постели и видел нечто весьма интересное.

– Мудро. Черник в роли маньяка мне нравится гораздо больше, чем лучший друг Деда Нефедов и его сынок. Ты не хочешь позвонить нашему хозяину, перед тем как делать резкие движения?

– Когда Дед решит, что время пришло, позвонит сам.

– Только не вздумай отключать телефон. Я почти уверен, звонок поступит с минуты на минуту.

Марк мог бы гордиться своей проницательностью, потому что телефон действительно зазвонил. Но, услышав голос в трубке, я, глядя на его довольную физиономию, лучезарно улыбнулась, и мой приятель сразу сник, а я почувствовала моральное удовлетворение. Звонил Волков.

– Новости есть? – спросил он устало.

– Девчонка была всеобщей подружкой, – поделилась я наболевшим.

– Сколько знакомых фамилий ты услышала?

– Три. Одна повторена дважды.

– А… сыночек. Что я тебе говорил? Может, нам лучше поискать маньяка? Нормального серийного убийцу, какого-нибудь бывшего педагога…

– Волков, не тяни из меня жилы, – разозлилась я.

Он устало вздохнул и заявил:

– Есть свидетель, который около часа ночи видел темный «Мерседес» в трех шагах от дома.

– Номер запомнил?

– Нет.

– Тогда что ты мне голову морочишь? Темных «Мерседесов» в городе сколько угодно.

– Только не такой, как этот. Парень – любитель машин и описал его довольно подробно.

– Что можно разглядеть в час ночи?

– Многое. Конечно, все это ерунда, я просто хотел уточнить: Дед действительно заинтересован в том, чтобы мы нашли убийцу?

– Не валяй дурака. Девку убили около одиннадцати, так какого хрена Деду до часу торчать в ее квартире?

– Логично, я тоже так думаю – нормальный убийца поторопится унести ноги. А если убийца что-то искал? И на то, чтобы произвести вскрытие кухонным ножом, нужно время. Много времени. А еще отпечатки пальцев, которые надо уничтожить…

– Для начала я бы на месте убийцы проверила, не уронила ли случайно визитную карточку…

– Ладно, не кипятись, – сказал Волков. – Я нервничаю, что вполне объяснимо. Держи меня в курсе.

– У меня ничего интересного, кроме имен, которые ты и так знаешь. На сегодня я закругляюсь, еду домой спать.

– Тогда спокойной ночи, – ласково пропел он, и мы простились.

– Где тебя высадить? – спросила я Марка.

– Может, пригласишь меня к себе? В конце концов, у тебя свободный вечер.

– Вот именно. Так где тебя высадить?

– На ближайшей остановке, – хмыкнул он. – Слушай, Детка, а с кем ты трахаешься? Страшно интересно.

– Марк, ты придурок.

– Ничего подобного. Я за тебя переживаю, потому что уверен: парня у тебя нет, я ж приглядывал. Выходит, у тебя проблемы.

– Ничего подобного, – передразнила я.

– Дед страшно ревнив и держит тебя на коротком поводке? А говорила, что с ним все кончено.

– Тебе говорила?

– Угу.

– Наверное, в беспамятстве. Выметайся, вон ближайшая остановка. И вообще, ты очень много болтаешь.

– Слышала пословицу: с кем поведешься, от того и наберешься. Вот я от тебя и набрался. Недавно мне сказали, что у меня есть чувство юмора.

– В такое трудно поверить. Ты выйдешь наконец или тебя выбросить из машины? – вздохнула я, созерцая его клоунскую улыбку. Марк иногда умел здорово действовать на нервы, вот как сейчас.

– Ответь на один вопрос, и я сразу же испарюсь.

– Ладно, давай свой вопрос.

– Я его уже задал.

– Должно быть, я не расслышала.

– Ты спишь с Дедом и не смотришь по сторонам?

– Знаешь анекдот про золотые руки? – Марк радостно фыркнул, а я устало заметила: – Выметайся. И перестань болеть обо мне душой. Необходимую гормонотерапию я получаю регулярно, так что в твоих заботах не нуждаюсь.

– Мне всю жизнь не везет, – грустно отозвался он и наконец-то выбрался из машины. Я поехала домой, размышляя по дороге, не о предложении Марка, конечно, хотя оно было довольно занятным, а о недолгой, но бурной жизни Аллы Дмитриевны Кудриной. Волков прав, следовало уточнить у Деда: действительно ли мы ищем убийцу или только делаем вид? В общем, мне-то без разницы, но следует определиться, не то я от избытка энтузиазма черт-

те чего накопаю, и что потом прикажете делать? Я свернула к своему дому и порадовалась за генерала, который опять был на боевом посту.

Я приготовила ужин, съела его в одиночестве и праздных мыслях и завалилась на диван, прикрыла лицо журналом, с намерением подремать, так как ложиться спать, по моим представлениям, было еще рано. Мысли мои были чисты и безмятежны, но так продолжалось недолго, потому что зазвонил телефон. С большой неохотой я сняла трубку и услышала женский голос, который поначалу не узнала.

– Это Ольга, да? – спросили испуганно на том конце провода.

– Это Ольга, – не стала я возражать.

– Вы мне визитку оставили сегодня, помните? В «Пирамиде»? Меня зовут Инесса… – Ага, высокая красавица, вызвавшая у меня чувство собственной неполноценности с последующей депрессией.

– Что-нибудь интересное вспомнили? – не очень-то рассчитывая на это, спросила я.

– Да, то есть нет. Ольга, вы могли бы приехать в клуб? Прямо сейчас. У меня еще один выход, а потом…

– Слушайте, вы только что ответили на мой вопрос взаимоисключающими словами. Так вы вспомнили что-то интересное или нет? Если нет, на кой черт мне среди ночи тащиться в клуб?

– Я… я не знаю, важно это для вас или нет… Ольга, мне надо посоветоваться, у меня… Я боюсь говорить по телефону. И я не знаю, что мне делать. Понимаете, мне не с кем посоветоваться. Если я скажу в милиции, боюсь, будет только хуже. А вы… вы ведь женщина, в конце концов.

– В общем, да, – согласилась я без охоты.

– Я сегодня вела себя неправильно, надо было по-другому, я вам не понравилась… Вы приедете?

– Придется. Было бы просто отлично, намекни вы мне, о чем хотите поговорить.

– Я боюсь.

Она и вправду боялась, это чувствовалось даже по голосу.

– Хорошо, я буду через двадцать минут. Устроит?

– Да-да, у меня номер… – Она повесила трубку, не успев договорить.

– Ну и манеры, – вздохнула я и побрела переодеваться.

Не очень-то я рассчитывала узнать от нее что-нибудь полезное. Хотя как знать, девчонка напугана, опять же мое любопытство требовало действий, и я поехала в клуб. Однако, немного поразмышляв по дороге, пришла к выводу, что рваться по первому зову дамы в беде довольно глупо. Если конкуренты копают под Деда и свихнулись настолько, что орудуют кухонными ножами, я могу легко попасть в неприятную передрягу. Звонок, кстати, выглядит довольно подозрительно.

Наплевав на свое хорошее воспитание, я позвонила Волкову. Он уже спал и звонку не обрадовался, но, когда я втолковала ему что к чему, смог проснуться окончательно и пообещал, что встретит меня возле «Пирамиды». Конечно, он опоздал, и в ночной клуб мы вошли не через двадцать минут, как я обещала, а через полчаса. Я хотела подняться на второй этаж, где были гримуборные, охранник вежливо спросил, куда я направилась, я объяснила, и он, прислушавшись к музыке, доносившейся из зала, сообщил:

– Вы ее наверху не застанете, сейчас ее номер. – И чуть приподнял тяжелую портьеру, закрывающую проход в зал.

– Волков, идем смотреть стриптиз, – позвала я. – Только не говори, что ты не рад.

Он состряпал злобную физиономию, давая понять, как устал от этого мира и от меня в частности, а я подхватила его под руку и потащила к эстраде, оформленной без особого вкуса, но роскошно.

В настоящее время в глубине сцены трудились две девушки в остатках того, что напоминало школьную форму, но Инессы среди них не было. Я собралась было вернуться к охраннику и порадовать, что пошутить я тоже очень люблю и под настроение так могу расшутиться, что кое-кто вылетит с работы, но в этот момент свет вспыхнул ярче и я увидела Инессу. В блестящем платье, похожем на змеиную кожу, она была так хороша, что я ненадолго замерла и не сразу заметила, что Волков нашел свободный стол в углу и устроился за ним.

– Она красавица, – садясь рядом, сделала я ценное замечание.

– Так это она звонила? На испуганную насмерть она не похожа, – буркнул он. Инесса как раз освободилась от платья и теперь была в купальнике в сине-желтых разводах. Ее сходство со змеей только усилилось. Волков хмуро оглядывался, совершенно игнорируя сцену.

– Чего ты высматриваешь? Ты можешь хоть на минуту расслабиться?

– Не могу. Я старый человек, и мне тяжело это видеть.

– Тяжело видеть красивую женщину?

– Отправить бы их в совхоз, картошку копать, и то больше пользы.

Я фыркнула, а Волков поднялся.

– Пойду покурю.

– Кури здесь.

– Нет уж, я на свежем воздухе.

Под моим насмешливым взглядом он покинул зал. Между тем Инесса сорвала аплодисменты очень эффектным трюком с бюстгальтером, потом и вовсе избавилась от него и начала извиваться, стоя спиной к зрителям. Вдруг она замерла, напряженно вытянувшись с поднятыми вверх руками, и весь зал замер вместе с ней, ожидая чего-то необыкновенного, и оно явилось, как по заказу: раздался странный звук, похожий на шелест крыльев, и прямо под ее левой лопаткой оказался нож. Точнее, я увидела рукоятку ножа, которая нахально торчала из-под ее лопатки. Девчонка, не издав ни звука, плавно начала опускаться и, только когда до пола оставалось всего несколько сантиметров, упала, некрасиво и страшно, а публика продолжала ошалело молчать и таращиться на сцену, потому что, как и я поначалу, не поняла: это что, номер такой?

Но это был не номер, к великому сожалению. Я вскочила, заорала «Волков!» и кинулась к эстраде, расталкивая граждан, которые успели прийти в себя и теперь бестолково метались по залу. Девицы на сцене закричали и бросились врассыпную, граждане в зале ответили им дружным визгом, так что, когда я пробралась к Инессе, вокруг творилось что-то невообразимое.

Я приподняла голову девушки, глаза ее были широко распахнуты, но было ясно: она мертва.

– Что? – проорал мне на ухо Волков, плюхаясь рядом на одно колено.

– Как видишь.

– О черт, выходит, мы опоздали…

– Вызывай своих, – в ответ проорала я и бросилась к кулисам.

– Куда? – рявкнул Волков, но я предпочла сделать вид, что не услышала. Я выбралась в коридор, где тоже бестолково метались граждане, и увидела охранника, с которым разговаривала десять минут назад.

– Давай со мной наверх.

Должно быть, он совсем растерялся от царившей вокруг суматохи, потому что повиновался мне без вопросов.

На втором этаже было тише, но присутствующие, в основном девицы, которые здесь работали, тоже приготовились паниковать, хотя еще толком не знали, что произошло. Откуда-то возник Геннадий Сергеевич, я ухватила его за локоть:

– Где уборная Инессы?

– Вон там, – растерянно ответил он, ткнув пальцем в третью дверь слева, и я рванула туда, торопя охранника:

– Да шевелись ты.

Комната оказалась не заперта, что очень облегчило мне жизнь. Распахнув дверь, я сказала парню:

– Пока я здесь, в коридор никого не пускай, никого. Понял? Если надо, пальни для острастки.

– Да у меня и оружия-то нет, – перепугался он.

– Тогда перегрызи врагам горло. Если мне кто-нибудь помешает, считай свою карьеру накрывшейся медным тазом. – Последние слова я уже кричала, захлопнув за собой дверь.

Комната была маленькой, без окна. В левом углу зеркало и стул перед ним. Справа ширма. Рядом тумбочка. Ее я проверила первой. Масса всякой ерунды и ничего интересного. За ширмой на вбитых в стену гвоздях висели на плечиках два сценических костюма. Искать здесь что-либо – пустая трата времени. Так, дальше – шкаф. Плащ, костюм, сумочка… В сумочке кошелек, пудреница и штук двадцать презервативов. Занятно, но за это не убивают. Я обшарила шкаф и вскоре нашла то, что искала: коробку из-под обуви, втиснутую в нижний ящик и прикрытую какими-то тряпками. В коробке лежали туфли (довольно потрепанные), а под ними, точнее, под тонкой белой бумагой, два конверта.

– Господи, какая же она дура, – пробормотала я, качая головой. – Неужто она всерьез считала, что это надежный тайник?

Я вскрыла первый конверт: тысяча долларов стодолларовыми купюрами. Я очень удивилась, то есть удивляться тут было нечему, но, выходит, я ошиблась и девчонка просто прятала здесь свои сбережения. Содержимое второго конверта вызвало у меня зубовный скрежет. Знакомый почерк: «Аллочка, котеночек, жду тебя с нетерпением. Твои бриллианты ждут тебя вместе со мной». Подпись: «Игорек».

– Козел ты старый, – прокомментировала я, – еще бы расписался и девкину фамилию заодно поставил.

Записок было шесть штук, из чего я заключила, что страсть Деда к погибшей Алле была бурной и длилась довольно долго. На всякий случай я еще немного порылась в чужих вещах, но без всякого толку. Я сунула конверт с записками в карман, подумала и прихватила второй конверт, затем носовым платком протерла ручки шкафа и тумбочки, скорее из принципа, нежели из опасений, и удалилась.

Охранник стоял столбом возле двери.

– Менты уже здесь? – спросила я.

– Нет, кажется, – ответил он испуганно.

– Ну, значит, сейчас появятся. Само собой, ты меня здесь не видел.

Я бегом спустилась по лестнице. Внизу страсти понемногу утихали. Дамы клацали зубами и жались к кавалерам, кавалеры обнимали дам, сурово взирая на мир. Волков принял на себя обязанности командира и выглядел злым как черт.

– Ну что там? – прорычал он мне, правда негромко, стараясь не привлекать к нашему разговору внимание общественности.

– Там полный порядок. А что здесь?

– Уйди с глаз моих, без тебя тошно.

– Меня же не выпустят, – широко улыбнулась я, что Волкову, само собой, не понравилось. – Откуда бросили нож, как думаешь? – оглядываясь, спросила я.

– Вон из того коридора. Кто-то стоял за портьерой. Черт, я, когда мимо проходил, ведь почувствовал, кто-то там стоит, нет бы голову повернуть…

– А куда ты шел?

– В туалет, – буркнул он.

– Значит, убийца стоял за портьерой? Расстояние приличное. Парень профессионал… По крайней мере, ножичком балуется часто. И хорошо знаком с местным репертуаром.

– А это еще почему?

– Потому что, друг мой Волков, расстояние действительно приличное, девица вертелась как заведенная, а ведь надо не просто попасть в цель, надо, чтоб девонька скончалась, словечка не вымолвив. Он выбрал момент, когда она замрет спиной к гражданам, представляя собой отличную, то есть неподвижную, мишень.

– Возможно, – кивнул Волков, взглянув на меня с большей приязнью.

Тут двери распахнулись настежь, и в зале появились стражи порядка. Подмигнув Волкову, я удалилась в тень, в том смысле, что предпочла устроиться на стуле в уголочке, дабы не мешать людям выполнять свои обязанности. Ничего интересного я от их появления не ждала: наверняка никто ничего не видел и не слышал. Примерно так и вышло. Одна дама заметила Волкова, когда он выходил в туалет, но не заметила, как вернулся, остальные вообще таращились на сцену, что вполне естественно. Мне тоже задали вопросы, и я ничем не порадовала следователей. Протомилась на своем стуле до самого рассвета, после чего последовало разрешение отправиться по домам.

Дома я бросила конверт на диван, доллары меня в настоящий момент не интересовали, а вот записки я прочитала. В общем, ничего особенного, убивать за это глупо. Моральный облик народного избранника явно прихрамывает (кое-какие слова и выражения могли шокировать престарелых избирательниц, но подросткам наверняка бы понравились). Впрочем, Дед у нас вдовец и мог себе позволить… Правда, упоминались дорогие подарки (а Дед у нас известный бессребреник, в одном костюме третий год ходит, в основном перед журналистами), конкуренты радостно завизжат: вот куда уходят деньги стариков и сирот: на продажных девок. И все же не верилось мне, что девчонок убили из-за записок. Припугнули бы, денег дали… Вот, кстати, и деньги. Тысяча баксов – приличная сумма за подростковые сочинения Деда, больше я бы из принципа не дала.

Я услышала, как подъехала машина, и подошла к окну. Волков поднял голову, мы встретились взглядами, и я послала ему воздушный поцелуй, а он с досадой плюнул. Я пошла открывать дверь и, когда он вновь предстал моим очам, шепнула:

– Как я рада, милый.

– Надо требовать прибавки, – хмыкнул он, – за то, что приходится видеться с тобой так часто.

– Я могу снабжать тебя молоком за вредность. Идет?

– Лучше коньяка налей, – буркнул он, усаживаясь на диван, посмотрел на конверты и вновь принялся бурчать: – Деньгами не разбрасываются… А это что?

– Взгляни, – кивнула я, устраиваясь рядом с коньяком и рюмками.

– Это лежало в ее комнате? – спросил Волков. Было заметно, что валять дурака ему расхотелось.

– Конечно. Где еще я могла бы это раздобыть?

– Ты уже звонила Деду?

– С какой стати поднимать его среди ночи?

– Послушай… – опять разозлился Волков, но я его перебила:

– Дед сказал: найти убийцу. Давай найдем его.

– Его машина возле дома убитой той ночью, а теперь еще эти записки… Ты же понимаешь…

– Мы должны найти убийцу. Только по этой причине я тебе и демонстрирую свои находки. И рассчитываю на взаимность, то есть на ответную откровенность.

– Не зря у меня с прошлой ночи зубы ноют, – пожаловался он.

– Ага. Предчувствия тебя не обманули…

– Ладно, давай прикинем, что мы имеем. – Волков выпил, поставил рюмку на стол и повернулся ко мне. – Девка крутит любовь со всеми нашими шишками.

– Причем одна такая шишка из конкурирующей фирмы.

– Дед писал эти записочки, а девка их коллекционировала, смекнув, что на них можно заработать. Так?

– Допустим.

– Она прячет их у подруги и приступает к военным действиям. Однако вместо денег получает чулок на шею…

– И в ту же ночь возле ее дома видят машину Деда. Логично предположить, что у них была назначена встреча.

– Логично. Девчонка скончалась, и тогда ее подруга решает подзаработать на этих записках.

– Это если она дура стоеросовая, а Инесса производила впечатление умудренной опытом гражданки.

– Тогда что произошло, по-твоему?

– Ответ напрашивается сам. Если убили из-за этих записок, то убийца, не обнаружив их в доме убитой, предположил, что они могут находиться здесь, и заведение сегодня посетил. Напуганная его визитом, Инесса звонит мне, мы приезжаем, но убийца нас опередил, однако забрать записки ему что-то помешало. Для того, чтобы разделаться с девчонкой, он воспользовался ножом. Несколько необычно, ты не находишь?

– Почему? – пожал плечами Волков. – Напротив. От пистолета пришлось бы избавляться, опять же, как-то надо пронести его мимо охраны, а нож штука удобная, если умеешь им пользоваться.

– Вот-вот. Отчего не дождаться девчонку в переулке после выступления, не проломить бедняжке голову, свистнув при этом сумку…

– Возможно, у них не было времени.

– Хочешь сказать, кто-то узнал о ее звонке ко мне? Лично я склоняюсь к мысли, что убийца тяготел к эффектам. В самом деле, получилось зрелищно. И круг подозреваемых сразу очерчивается, разве нет? Вот я, к примеру, управляться с ножом не могу. А ты?

– Только на кухне.

– Правильно. А кто может?

– Да кто угодно, – фыркнул Волков.

– И здесь ты прав, но мне на ум первыми приходят ребятишки из охраны Деда, все как на подбор бывшие спецназовцы. Уж их-то, поди, ножами швыряться учили.

– И чему ты радуешься? – опять разозлился мой верный друг и товарищ. – Налицо и мотив, и возможность совершить убийство, теперь уже два убийства, и даже свидетель есть, видевший тачку.

– Я бы и не радовалась, если б не была уверена: все это чепуха и злостное запудривание мозгов. Хозяйскую ласку я ценю и тружусь на совесть, оттого и нашла эти записочки. А что мешало убийце поступить так же? Особенно если он из охраны Деда?

– Конечно, – согласно кивнул Волков после непродолжительного раздумья. – Если все дело в записках, почему их не взяли?

– Рассчитывали, что их найдут твои друзья-менты и у них будет мотив.

– Выходит, это происки конкурентов? – хмыкнул Волков. – Тогда можешь спать спокойно: убийцу не найдем. Это наемник, и как его прикажешь искать, если с жертвой его ничего не связывает?

– Придется расстараться. Кто девок резал, может, для Деда не так и важно, но вот кому это понадобилось, его наверняка интересует очень и очень. А он нам деньги платит не только за красивые глаза и ждет ответной любви.

– Своих врагов он лучше нас знает, – опять принялся ворчать Волков.

– Само собой, однако надо установить, который из них все это затеял, припереть его к стенке и успеть все это сделать до выборов.

– Ой как зубы-то ноют, – прополоскав рот коньяком, пожаловался мой друг.

– Хочешь, я тебе кое-что занятное скажу, чтоб настроение улучшить? Вполне возможно, мы будем искать конкурентов, которых еще нет. То есть их по ходу пьесы придется изобрести.

Волков скривился, глядя на меня, должно быть, в отчаянии от непосильной умственной нагрузки, а потом тяжко вздохнул. За что я его ценила, соображать он мог быстро, когда хотел. Вот и сейчас не подвел.

– Двойная игра, – изрек он. – Есть убийство, есть улики, которые указывают на определенного человека (Волков так уважал руку, его кормящую, что всуе даже имени не произносил), улики настолько явные, что поневоле закрадываются сомнения… к тому же есть люди, которым выгодно этого человека уничтожить. При известной сноровке мы их находим…

– И освобождаем Деда от неприятных людей.

– Лучше б ты свои догадки держала при себе, – пожаловался Волков, – мне даже думать не хочется…

– А ты не думай, главное, двигайся. Дед желает получить убийцу, нам надо его отыскать. Давай сосредоточимся на этом, а все остальное пусть горит синим пламенем.

– Тебе хорошо говорить, – принялся бубнить Волков, – а мне что прикажешь? Одно дело – закрывать глаза на кое-какие… ну, ты понимаешь, и совсем другое – два трупа. И все это из-за паршивых выборов?

– Это неверная точка зрения, к тому же не отражающая позицию борца за народные голоса. В оригинале это должно звучать так: выборы и два паршивых трупа…

– Завтра пойду к зубному врачу, нет сил терпеть. – Волков поднялся с дивана и побрел к двери.

– Ты так и не рассказал мне ничего интересного, – крикнула я вдогонку.

– Нет ничего интересного, никто ничего не видел, ничего не слышал.

– Это нормально, – согласилась я, внизу хлопнула дверь, а потом завелась машина.

Я подумала и набрала номер Марка. Несмотря на поздний, точнее, ранний час, судя по голосу, он был бодр и свеж и готов к новым свершениям.

– Тебе стало одиноко, и ты вспомнила обо мне, – ласково прошептал он.

– Одиноко стало одной девушке с ножом под лопаткой.

– А звать девчушку как?

– Инесса.

– Чего ты хочешь?

– Вообще-то узнать, кто швырнул ножичек, но, догадываясь, что твои способности весьма посредственны, ограничусь исключительно простым заданием. Как только менты уберутся из «Пирамиды», отправляйся туда со своими мальчиками и вытряси души из тамошних придурков. Инесса мне звонила, просила приехать. Кто-то в течение вечера успел здорово напугать девчонку. Явился сам или звонил, не знаю, но он должен был себя проявить.

– А если не являлся, если он, к примеру, сидит там безвылазно, потому что ему так положено?

– Тогда выясни, в какой момент у девчонки сменилось настроение и что этому предшествовало. Кто, когда, в каком месте находился и кто это может подтвердить. Скажи парням: тому, кто что-то накопает, премия в тысячу баксов.

– Плохая идея. Начнут фантазировать.

– Тогда просто премия, пусть фантазия взыграет насчет ее размера. У людей должен быть стимул.

– А у тебя есть тысяча баксов?

– Главное, что она найдется у Деда, – осчастливила его я.

Утром я встала пораньше и отправилась в ванную. На некоторое время я замерла перед зеркалом и принялась изучать свою наружность с целью ее возможного усовершенствования. Мне хотелось отбить у людей охоту болтать налево-направо о моем алкоголизме.

Через полчаса я стала нравиться себе значительно больше, моя помятая физиономия приобрела буйно-оптимистическое выражение, что Деду должно было понравиться. Я отправилась к нему, не позвонив. В этом был хитрый умысел: свалившись как снег на голову, я лишу старого змея возможности избежать встречи со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.